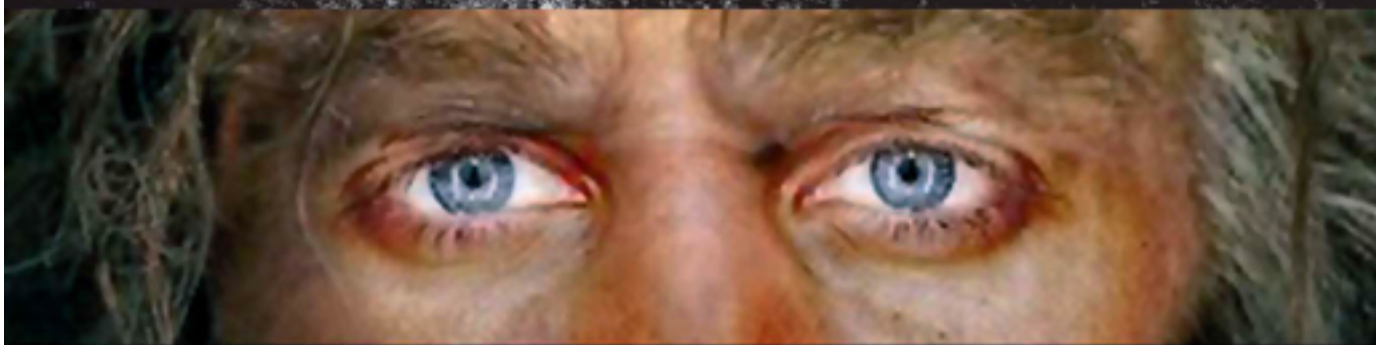

ИСТОРИЧЕСКАЯ АВАНТЮРА

СЕРГЕЙ ЩЕПЕТОВ

ТРОГЛОДИТ

Автор уверяет, что почти ничего не придумал – примерно так оно всё и было. Ну, а кто сомневается, пусть проверит. Если проверяющий останется жив, автор готов обсудить возражения за рюмкой «чая»...

«КРЫЛОВ»

Историческая авантюра (Крылов)

Сергей Щепетов

Троглодит

«Крылов»

2014

УДК 84Р1-44
ББК 821.161.1

Щепетов С.

Троглодит / С. Щепетов — «Крылов», 2014 — (Историческая авантюра (Крылов))

ISBN 978-5-4226-0249-0

Не ради наживы. Не ради тщеславия. Герои отправляются в прошлое ради установления научной истины. Раскрыть тайну исчезновения неандертальцев, которых мы потеряли 40 000 лет назад. Раскрыть тайну пропавшей в эпоху Перестройки на Северо-востоке СССР экспедиции и ту научную тайну, что экспедиция унесла с собой. Провести разведку в девятнадцатом веке, в разгар индейской войны на Аляске, чтобы прояснить историю Русской Америки и главное – то, почему на самом деле мы уступили нашу землю американцам. Герои не просто ученые, простые не справились бы. Герои специально отобраны по исключительным качествам и прошли специальную подготовку. Поди сойди за своего в поселке неандертальцев, среди индейцев-тлинкитов или среди суровых северных мужиков.

УДК 84Р1-44
ББК 821.161.1

ISBN 978-5-4226-0249-0

© Щепетов С., 2014
© Крылов, 2014

Содержание

Троглодит	8
Глава 1	8
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	35
Глава 7	42
Глава 8	47
Глава 9	55
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Сергей Щепетов

Троглодит

© Щепетов С., 2014

© ИК «Крылов», 2014

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

За помощь в работе автор выражает глубокую признательность Любови Ильиничне Прокудиной и Юрию Дмитриевичу Хлюпину.

...И не цветет любви цветок

Без славы и успеха...

Р. Бернс (из фильма «Здравствуйте, я ваша тетя»)

...Он ей сказал: «Вы мне писали?»

*И рявкнул вдруг: «А ну, ложись!!»
(Приписывают А.С.Пушкину, но,
скорее всего, народное творчество
по его мотивам)*

Троглодит

Глава 1 Счастливец

«... Женское счастье – был бы милый рядом...» – донеслось из открытого окошка дешевой иномарки на перекрестке. Слова старой песенки навяли мысль, и я стал ее думать: «С женским счастьем все понятно, а вот с мужским... Наверное, счастье это когда стоишь – после работы усталый – и прикидываешь: к Мане пойти или к Гале? А, может, к Таньке завалиться – давно не был? И каждая будет безумно рада! Можно, конечно, приколоться и... просто отправиться домой. Получается, что я – счастливый мужчина?! Н-да-а... Счастливый-то счастливый, но мне сегодня не до секса, а есть хочется. Впрочем, на пути есть приличная точка питания – можно заглянуть». Эта кафешка считалась спортбаром. Помимо прочего здесь имелось несколько экранов, на которых показывали всевозможные соревнования. Во время крупных чемпионатов публика набивалась сюда поболеть хором. Моего появления никто из посетителей не заметил, поскольку все напряженно следили за финальной частью поединка двух супербойцов, известных под псевдонимами Руслан Святогоров и Саня Троглодит. А финал, надо сказать, был драматичным до слез: уже трижды звероподобный Троглодит испускал победный рев, но белокурый витязь Святогоров вновь и вновь вставал с пола и шел в атаку...

Некоторое время я стоял и тоже наблюдал это представление. Со стороны я его еще не видел, поскольку, когда монтировали «прямую трансляцию», лежал на кушетке под опытными руками Сан-Саныча.

Мне повезло – бармен за стойкой был знакомым. Мои вкусы были ему известны, так что он сразу выставил на стойку высокий бокал с томатным соком:

– Как всегда?

– Угу: пять порций без гарнира.

Здесь готовят хорошо и быстро, поэтому я сюда и хожу. Правда, популярность, которой я когда-то гордился, начинает уже утомлять. Я рассчитывал, что на этот раз обойдется – жать руки и чмокать помадой в щеки меня не будут.

А на экране полуживой Святогоров нанес-таки свой победный удар, и злобный Троглодит бессильно повис на канатах – гром оваций здесь и там, слезы счастья на глазах!

Овации стихли, мужчины принялись пить пиво и бурно обсуждать увиденное: каждый совершенно точно знал, как и когда ударить было надо, а как – не надо. Присутствующие женщины вдруг начали проявлять беспокойство: поворачивать головы, вставать и перемещаться – все в одну сторону. «Словно железные опилки к магниту, – подумал я. – Ведь не дадут поесть спокойно, придется бежать».

Вообще-то, мне нравится нравиться женщинам – самец, что поделать! Но не здесь и не сейчас – у меня, говоря честно, отбито практически все. Обезболивающая блокада, которую мне наколол Сан-Саныч, начинает отходить, и скоро мне станет совсем плохо. Дело, конечно, привычное...

Ну, вот и первая ласточка!

– Не помешаю? Я так давно хотела с вами познакомиться! Я смотрела все ваши бои! Вы такой!.. Такой!.. В общем – ах!..

– Хотела – так знакомься! – грубо отвечаю я. – Только имей в виду, что баба у меня уже есть, а про жену я вообще молчу...

– Так вы женаты?!

- Шесть раз!
- Не может быть!
- Может. Ты ж в туалет вроде шла? Ну и иди!
- Ах, какой вы brutальный!
- А у тебя тушь потекла – иди, иди!
- Ой!

Однако свято место пусто не бывает:

- Можно я тебя поцелую?! Ты был просто великолепен!!!
- Нельзя. И каким же местом я был великолепен?
- Ну, когда ты его за канаты выкинул! И стал всем «фак» показывать! Блеск!!! Как я тебя люблю – ты не представляешь!
- Угу... А слабо доставить мне удовольствие, а?
- Конечно! – она стыдливо потупила взор. – Я так давно хотела...
- Ну, так отвали! – я не дал ей закончить фразу. – Не до тебя мне!
- Уй...

Следующая... Нет, похоже, покоя мне не будет! Однако...

И вдруг по залу пронеслась этакая легкая волна. Или шелест. Или веяние. Разговоры мужчин разом стихли, женщины перестали пялиться на меня. И все это потому, что в заведение вошла ОНА.

Елена – тезка известной героини Гомера и по совместительству местная супер-дива. У нее есть все, о чем может мечтать самец вида гомо сапиенс. Ноги, попа, талия, бюст, мордашка... При этом у нее смуглая кожа, которой видно очень много – на ней символическая юбочка и кофточка, открывающая животик и грудь почти до сосков... И походка, какая у нее походка! Это ж просто эротический гипноз! Когда она вышагивает по тротуару с крохотной собачкой на привязи, мужики обмирают, сворачивают шеи, начинают спотыкаться и сталкиваться, потому что смотрят на нее и оторваться не могут. При этом приставать, знакомиться никто даже не пытается – каждому ясно, что такие женщины достаются только «отличникам». В ее жилах смешалась кровь негров, евреев, украинцев и русских. В итоге получилось вот это супер-сексапильное чудо. Оно живет в соседнем подъезде...

- Привет, Троглодит!
- Гут абенд, либе мэдхен!
- Олл райт? Ар ю о'кей?
- Коль ле тов!

Мы с ней не сексуальные партнеры – друг на друга не претендуем. В ней и так за метр восемьдесят, а когда она на шпильках, я, наверное, могу дотянуться макушкой только до ее подмышки. Однако у нас с ней комплементарность – мы понимаем друг друга. У нее филфак и три языка свободно, а у меня провинциальный «пед», но языков я знаю больше.

– Ты что это, Саня?! – она кивнула на выключенный экран. – С дуба упал? Зачем тебе это нужно?

- Да мне не это нужно... – печально усмехнулся я. – Деньги!
- Угу, – тонкая усмешка скривила ее накрашенные губы. – Третью жену решил завести? Тоже мне – султан! У тебя детей-то сколько?

- Официальных – четверо.
- Алименты платишь? – посочувствовала красавица.
- Зачем же? – пожал я плечами. – Я их и так содержу – вместе с мамами. У нас прекрасные отношения! Особенно после разводов.

– Плодовитый! – рассмеялась Ленка. – А предохраняться не пробовал? Знаешь, есть такие штучки...

– Знаю, – кивнул я. – Только мне этого не надо. У меня контрацепция круче – сперматозоиды просто не попадают в сперму. Без воли моей детей быть не может.

– Но ведь есть же! – недоуменно вскинула она брови. – Это как?

– Ты меня спрашиваешь? – пожал я плечами. – А я думал, ты мне ответишь – как женщина.

– А твои жены знают, что ты... бесплоден?

– Нет, конечно!

– А-а, ну тогда все просто! – заулыбалась красавица. – Обычное дело! По статистике...

– Известна мне эта статистика! – отмахнулся я. – Меня другое волнует: они утверждают, что дети мои, и обижаются, если сомневаюсь. Как так можно?! Ведь в любви клянутся и не притворяются, в глаза смотрят и взгляда не отводят, деньги берут как должное – будто в своем праве! И никакой вины, словно совесть чиста! Да я бы со стыда сгорел!

– Ты это серьезно? – вытаращила Ленка накрашенные глаза. И вдруг, откинув назад очаровательную головку, звонко расхохоталась:

– Какая совесть?! Какая вина?! О чем ты?! И, главное, о ком?! Ой, не могу, ой, сейчас описаюсь! Давай-давай, Троглодит, маши кулаками! Зарабатывай деньги! Мужчина должен приносить пользу! Иначе зачем он?

– Мне бабы и даром дают, – обиженно буркнул я.

– Дают, дают, – кивнула Ленка успокаиваясь. – А нафига Святогорову проиграл?

– Хочу решить вопрос с Марь-Иванной, – солидно ответил я. – Только и всего.

– Это кто же такая?

– Да так, старушка – божий одуванчик. Ей деньги нужны на операцию, а взять негде.

Теперь, пожалуй, хватит...

И тут на свет явилось емкое блюдо, прикрытое крышкой – мой заказ!

– Мясо будешь? – по-свойски спросил я ее.

– Человечинку? – ухмыльнулась Ленка. – Пожалуй, буду... Не объем?

– Только попробуй! Лучше нож попроси и вилку. Мне-то не надо, я руками ем.

– Ну, точно – троглодит. Где ты раздобыл эту старушку?

– Сменщица моя, – пробурчал я с набитым ртом. – Я ж в библиотеке работаю на полставки. А она – на вторые полставки. Подменяем друг друга.

– Не поняла... – распахнула дива глаза. – Где-где ты работаешь?!

– В библиотеке. Это такое место, где людям книжки выдают – почитать.

– погоди, погоди... – На ее лице обозначилось полнейшее смятение. – Ты хочешь сказать, что Саня Троглодит – свирепое чудовище, победитель всех и вся – работает библиотекарем?!

– Ну, – самодовольно усмехнулся я и заглотив изрядный кусок полусырого мяса. – А раньше я преподавал историю в школе – в младших классах.

– Ты придуливаешься, Саня? – как-то жалобно, но с надеждой в голосе, спросила Ленка. – Придуливаешься или...

– Или! – твердо заявил я.

– Ты это перестань! – попросила она. – А то ведь влюблюсь...

* * *

В ранней юности я был маленьким, толстым и очень некрасивым мальчиком. Мама, папа и бабушка у меня были «ненастоящие» – они взяли меня из детского дома. Говорили, что у меня «врожденная аномалия», однако я ничем не хуже сверстников, просто другой. «Если хочешь быть как все, – говорили мне, – то недостатки свои надо скрывать, а достоинства развивать». Достоинства у меня, конечно, были.

Например, я хорошо учился – лишь по математике и физике у меня были четверки и тройки. Кроме того, я был очень сильным, но мне говорили, что драться нехорошо, а лучше заняться спортом. Я и занялся – сначала тяжелой атлетикой. Очень быстро я выполнил норматив на первый юношеский разряд, но потом вышла заминка – тренеры и медики не хотели допускать меня к серьезным соревнованиям. Тогда я обиделся, бросил возиться с «железом» и перешел в вольную борьбу. Однако история повторилась... А я уже не мог жить без пропахших потом спортзалов и снова сменил «специальность». И так много раз...

Я очень рано начал интересоваться девочками. Однако они даже не смеялись надо мной, они просто недоумевали: как такой уродец может на что-то претендовать?! От безысходности я шел в спортзал и, не надев перчаток, размочаливал вдрызг боксерскую грушу...

Наверное, у каждого подростка есть свой «мир детства» – мир снов и воспоминаний. У меня он тоже был, только какой-то странный. Я рассказывал о нем, и «родители» слушали очень внимательно. Они советовали больше ни с кем не делиться этим – наверное, это, фантазия, заместившая в памяти ребенка не очень приятную реальность.

Мои дни рождения всегда отмечались в узком кругу семьи без всякой помпы. Однако когда мне исполнилось семнадцать лет, «родители» пригласили несколько своих друзей и коллег. Получился не праздник, а расширенное заседание семейного совета. Вот тогда-то мне и объяснили, кто я есть на самом деле и откуда взялся. Не могу сказать, что это меня потрясло до глубины души – я и сам уже почти догадался...

Наш городок всегда считался элитным и закрытым – с КПП на всех въездах и выездах. Однако в нем был педагогический институт, в котором, как говорили, работают специалисты мирового уровня. Наверное, так оно и было на самом деле, но когда я учился на четвертом курсе, институт стал «университетом», а преподаватели начали увольняться один за другим. На пятом курсе я оказался почти сиротой: «бабушка» умерла, «мама» безнадежно повредила рассудком во время какого-то рискованного эксперимента, а «отец» вышел на пенсию и глухо запил.

Настал день, когда окончательно выяснилось, что мою дипломную работу сразу зачесть как кандидатскую диссертацию невозможно – по чисто формальным причинам. Расстроенный, я пришел домой и застал там совершенно трезвого «отца» в компании нескольких близких друзей. Опять состоялся семейный совет, на котором мне сообщили несколько «паролей и явок», а я дал неформальную «подписку о неразглашении». В результате я вскоре оказался хозяином однокомнатной хрущевки в не самом плохом районе Москвы и начал самостоятельную жизнь.

Через три года работы в школе стало окончательно ясно, что я, пожалуй, просто учитель от Бога, но, при этом совершенно не способен переносить, когда мной помывает начальство. После очередного скандала я уволился к чертовой матери и устроился в районную библиотеку.

Тут, в общем, было все хорошо, но платили чудовищно мало, а мне мучительно хотелось женской любви и свежего мяса. А еще меня манили спортзалы, татами и ринги... Я начал поиски.

Неожиданно быстро я получил предложение, от которого не стал отказываться. И дело пошло! Вскоре мной всерьез занялись продюсеры и имиджмейкеры. И вот миру явился свирепый, непобедимый и ужасный Саня Троглодит!

Ребята сработали грамотно – мне дали роль, играя которую, почти не нужно притворяться и гримироваться. Пришлось лишь вернуть рельеф заплывшей жирком мускулатуре и регулярно закрашивать проступающую седину.

Меня стали узнавать на улицах, а собачники специально собирались вдоль тропы, чтобы посмотреть, как я бегу свою утреннюю «пятерку» – босиком зимой и летом. А бегаю я, вообще-то, плохо...

Появились деньги – все больше и больше. При первой же возможности я купил подержанную «Шкоду» и сдал на права. Наконец-то я избавился от необходимости ходить пешком и ездить в общественном транспорте!

Дело в том, что с возрастом у меня, наверное, стал портиться характер – я как бы утратил способность переносить чужой выпендрег и хамство. И не важно, кто выеживается – оголтелые пацаны-болельщики или пьяные жлобы, не важно, сколько их и чем вооружены. Даже если меня это не касается – не могу пройти мимо! Пока все обходилось без криминала, но в милиции меня не раз предупреждали, что я хожу по грани. На дорогах, конечно, тоже разное бывает, но все-таки...

А еще... случилось удивительное! Со своим ростом «чуть ниже среднего», с лицом, лишь похожим на человеческое, я вдруг стал нравиться женщинам. В том числе и таким, о которых раньше и мечтать не мог! В начале своей карьеры я успел дважды жениться и развестись, прежде чем понял, что это совершенно не нужно – меня будут любить и без штампа в паспорте.

Позже я, как говорится, «почувствовал разницу». Впервые столкнувшись с вежливым интеллигентом Александром Ивановичем, женщины вздрагивают и отводят глаза. А вот звероподобный хам Саня Троглодит вызывает у многих из них почему-то совсем другую реакцию. Мужчинам этого, наверное, не понять...

Глава 2

Волонтер

Звонок мобильного остановил меня возле самого подъезда. На экранчике высветился знакомый номер.

– Здравствуйте, Владимир Николаевич!

– И ты не болей, Саша, – услышал я бодрый старческий голос.

– Как ваши дела, как здоровье?

– Как всегда и даже хуже! – немедленно последовал ответ. Эта «ритуальная» шутка в какой-то мере играла роль нашего пароля.

– Неужели такое может быть?! – изумился я. Это был отзыв, означающий, что у телефона хозяин, а не кто-то другой.

– Может, может, не волнуйся, – успокоил меня старик. – Слушай внимательно. И отвечай так же. Ученые из института Антропогенеза получили президентский грант на посещение прошлого. Их посланец выбыл из игры в последний момент. Ищут нового. Срочно. Как «приглашенный эксперт» хочу предложить тебя.

– Это почему же? – опешил я. – Вы им что-то...

– Нет! – поспешно прервал меня Владимир Николаевич. – Все остается в силе. Для них ты – «человек с улицы», обыватель с подходящими данными.

– Какими еще... данными? – пробормотал я в полном обалдении.

– Имидж соответствует эпохе, – последовал четкий ответ. – Плюс феноменальные лингвистические способности.

– «Экстерьер», наверное, а не «имидж»... – робко поправил я собеседника. – А причем здесь лингва? Нет у меня к ней феноменальных способностей!

И вдруг до меня дошло – аж мороз по коже пробрал:

– Погодите... Это что же: туда?!

– Ну, плюс-минус, но в целом – да. По нашей старой тропе.

– Ее что... открыли? – колени мои чуть не подломились, захотелось на что-нибудь сесть.

– Ни в коем случае! – успокоил он меня. – Только маячок.

– Понял, – пробормотал я в полной растерянности. – А... Условия?

– Я не собираюсь тебя вербовать, Саша, – уклонился Владимир Николаевич. – Я спрашиваю, можно ли дать им твои координаты и рекомендовать, так сказать. Подробности обсудишь с работодателями, если согласишься на контакт. Наверное, заплатят мало – ученые все-таки.

– Да, – выдохнул я после короткой мучительной паузы. – Рекомендуйте.

– Вот и хорошо. Я тебе потом перезвоню.

И события начали развиваться. Причем стремительно. Следующий звонок прозвучал уже минут через двадцать, когда я отмокал в ванне.

А восемь часов спустя я уже шел по коридорам комплекса в Сколково. Сопровождал меня очень важный дядя в костюме и галстук, который представился как Илья Сергеевич – главный менеджер компании «Сколково. Хронотуризм». По дороге он рассказывал мне о людях, с которыми предстояло встретиться. Некоторые имена мне были знакомы – по книгам, которые когда-то читал. Только их авторов я никогда не видел и, соответственно, узнать не рассчитывал. «Может, оно и к лучшему – меньше стесняться буду. Но как же себя держать? Какому из двух моих «я» дать свободу?»

Похоже, атмосфера в уютном зальчике была наэлектризована до предела. Едва меня представили, как началось:

– Понимаете, нам нужен ученый! Исследователь! Биолог-этолог, историк! Антрополог, в конце концов! Нельзя же так!

Илья Сергеевич сделал жест, вероятно, означающий: «Чем богаты...» или «Жрите, что дают!». Внимание тут же переключилось на меня:

– Молодой человек, у вас хоть какая-нибудь подготовка есть?

– А то! – нагло усмехнулся я. – Лягушек в школе резал!

– Все!!! – на грани истерики выкрикнул кто-то. – Я иду к...

– Одну минутку! – я поднял ладонь в останавливающем жесте. – Зачем вы меня сюда звали? Чтоб «Аватар» цитировать?

Повисла недоуменная пауза. Впрочем, она оказалась довольно короткой:

– Э-э... Александр... Иванович, а какие у вас, собственно, претензии к «Аватару»?

– Да почти ничего, – пожал я плечами. – Лук с тетивой через плечо не носят. А главный герой по повадке не мужик-солдафон, а натуральная баба. Или пацан-подросток. В остальном нормально – пипл хаваает.

– Что ж, это уже интересно! – как-то облегченно загомонили присутствующие. – Илья Сергеевич, все-таки скажите нам, на чем основан этот ваш выбор?

– Скажу! – с готовностью кивнул менеджер. – Данное мероприятие отличается от обычного хронопутешествия тем, что посланец должен попасть в очень глубокое прошлое с высокой точностью. Иначе он наверняка окажется на пустом месте и никакой информации за 24 часа добыть не сможет. Надеюсь, я правильно излагаю исходные данные? Чтобы обеспечить требуемую точность, кроме прочего, старт должен состояться в расчетное время – не раньше и не позже. До этого времени осталось двадцать часов, шестнадцать минут... – он посмотрел на часы, – и сорок две секунды.

Это, по сути, первый серьезный научный эксперимент, доверенный нашей фирме. В этой связи мы обратились в высокие инстанции и получили разрешение воспользоваться некоторыми секретными наработками лабораторий группы «Хронос», широко известной в узких кругах...

– ...американской разведки, – добавил кто-то из зала. Раздалась смешки, обстановка несколько разрядилась.

– С вашего позволения, я продолжу, – не смутился менеджер. – Мы подготовили материал для «информационного погружения» посланца в прошлое – данные о местности, а также пусть фрагментарные, но жизненно необходимые сведения о языке и обычаях аборигенов. Ваш основной кандидат это погружение прошел и на другой день был госпитализирован с подозрением на острый аппендицит. А его дублер...

– Илья Сергеевич, нельзя ли ближе к делу! – раздалось сразу несколько голосов из зала. – Время ж идет!

– Да, время идет! – несколько раздраженноотреагировал менеджер. – С тех пор вы отклонили четырех добровольцев, а трое потенциальных наемников отказались сами в связи с высоким риском и низкой оплатой. Я уполномочен нашим руководством поставить вас в известность, что господин Никитин Александр Иванович – последняя кандидатура, которая может быть рассмотрена нами совместно.

Как видите, Александр Иванович имеет подходящую внешность, а его физические данные, поверьте мне, выше всяких похвал. По нашим сведениям, господин Никитин обладает феноменальной способностью к коммуникации на незнакомых языках. Его анкетные данные у вас на руках.

В случае же отклонения и этой кандидатуры, – с оттенком угрозы продолжил Илья Сергеевич, – наша фирма официально снимает с себя всю дополнительную ответственность. Переброска может состояться, но на условиях обычного хронотуризма. Какие будут вопросы – ко мне или, может быть, к Александру Ивановичу?

Как я заметил, листочки плотной глянцевой бумаги действительно были у всех на руках, но сначала никто и не думал читать, что на них написано. А вот теперь заинтересовались.

– А-а, так вы, все-таки, историк?
– В какой-то мере, – солидно кивнул я. – Учитель.
– А скажите, Нижнеудинск – это где?
– Между Уралом и Чукоткой, – усмехнулся я и добавил для смягчения шутки: – Разглашать не велено.

– Атом? – понимающе спросил кто-то.
– Радиация, – поддакнул я. – Разве не видно?
– Не говорите глупостей, молодой человек, – строго сказал сухонький старичок. – Таких мутаций не бывает. Но я вас действительно где-то видел...

– Вчера по телевизору?
– Я никогда не смотрю те... А, вспомнил!

Он назвал иностранного автора. Я немедленно подхватил и проговорил название монографии на языке оригинала. А потом почесал затылок и добавил страницу и номер рисунка.

– Да-да... – пробормотал ученый, напряженно всматриваясь в мое лицо. – Удивительное сходство!

– Чего тут удивительного? – пожал я плечами. – Он же с меня рисовал!
– Вы тогда еще не родились, – махнул ладошкой старичок. – Но ваша эрудиция впечатляет. Может быть, еще не все потеряно?

Присутствующие затихли, слушая наш диалог. Наверное, этот старичок был великим ученым, которого все уважали.

– Александр...Иванович, вы позволите мне задать несколько вопросов? Не в качестве экзамена, конечно, а так, чтобы составить представление. Вы же понимаете: мы оказались в трудном положении.

– Никаких проблем – спрашивайте!
– Скажите, кто такие неандертальцы – в вашем понимании, конечно.

– Уж во всяком случае, – вздохнул я, – они не наши предки. Кроманьонцы – тоже не наши предки. Они – мы и есть. Те и другие появились примерно триста тысяч лет назад, но в разных местах. Одни на территории Европы, а другие – в Африке. Со своей родины кроманьонцы добрались до Европы примерно сорок тысяч лет назад. А тридцатью тысячами датируется самая поздняя находка останков неандертальца. Они вымерли, исчезли бесследно.

Некоторые считают, что кроманьонцы их ассимилировали, что в каждом из нас есть капля неандертальской крови. В пользу такой гипотезы говорит то, что среди людей иногда рождаются уроды, вроде меня – очень похожие на реконструкции ученых.

Однако большинство специалистов, по-моему, считают, что никакой метисации не было: *Homo sapiens* и *Homo neandertalensis* – разные виды и скрещиваться не могли.

В общем, неандертальцы сотни тысяч лет жили в суровом климате приледниковой зоны и питались в основном мясом. Мозгов в их головах было не меньше, а то и больше, чем у нас с вами. Через 10 тысяч лет после встречи с кроманьонцами «альтернативное человечество» исчезло.

На этом я закончил излагать конспект одного из своих школьных уроков и добавил:

– Если я правильно понял, мне предлагают отправиться в прошлое, и выяснить, почему это случилось. Так?

– Решить этот вопрос нельзя! – поднял сухонький палец ученый. – Тем более за двадцать четыре часа пребывания. Однако мы надеемся получить веские аргументы «за» или «против» уже существующих гипотез. Или, может быть, материал для создания принципиально новой гипотезы.

– А можно мне вопрос? – поднял ладонь представительный дядя, похожий на министра. – Скажите, Александр Иванович, вам сообщили условия и размер оплаты?

– Да, конечно.

– И вы не отказались?

– Пока еще нет.

– М-м... А почему? Каковы ваши мотивы? Это что: романтика, жажда славы, поиски приключений? Или что-то другое? Если не секрет, конечно...

– Ваше беспокойство мне понятно, – кивнул я. – И ответу однозначно: таки нет! Нет у меня тяги к суициду – ни сознательной, ни подсознательной! Я не изодранный самоубийца. Более того, скажу вам по секрету, за жизнь свою любимую кому угодно глотку порву!

– Так зачем же вам это?

– А вот желаю поддержать престиж российской науки! – насмешливо взмахнул я руками. – Чем не повод? А если серьезно... А если серьезно, то мне самому интересно, понимаете?

* * *

Времени на сборы оказалось катастрофически мало. Особенно с учетом того, что мне пришлось улаживать кое-какие личные дела – чтобы умирать было спокойнее. Облегчало ситуацию то, что материальную часть подготовили еще до моего появления, причем вполне грамотно. Мне предстояло отправиться в путь с рюкзаком, закамуфлированным под кожаный мешок. В нем я понесу много чего полезного: брикеты пеммикана, аптечку, бусы, ножи, зажигалки и прочее, включая гранаты разного назначения, изображающие окатанные камни из речки. И пулемет.

Вообще-то, огнестрельное оружие мне брать не хотелось. Стреляю я хорошо – из чего угодно. В том смысле, что в цель попадаю, если покажут, как целиться и на что нажимать. А вот разобрать агрегат, почистить и, главное, снова собрать – для меня проблема. Знакомые стрелки говорили, что руки у меня хорошие, но растут не из того места. Понятно, конечно, что дело тут в мозгах, а не в руках... Однако в данном случае мои инструкторы насели плотно – бери хоть что-нибудь, что увеличит шансы на выживание, не подводи людей! В общем, мне – полному дилетанту – сосватали какого-то уродца: нечто совсем короткоствольное с большим магазином, выполняющем роль рукоятки. В нем содержалось много маленьких патронов.

С этой штукой – пистолет-пулемет называется – я игрался на стрельбище минут 40. Оказалось, что в моих нехилых ручках данным агрегатом можно валить лес – на расстоянии метров 10. А если палить в толпу длинными очередями, то, наверное, метрах на двадцати никого живых не останется. Попробовал стрелять на 30 и 40 метров, но получилось значительно хуже – при стрельбе очередями большой разброс, а одиночными неэффективно. В общем, неплохая игрушка, но только для ближнего боя. Замена магазина мне показалась слишком сложной операцией, и второй я не взял – конце концов, не на войну же иду!

Незадолго до старта я любовался на себя в зеркале – хорош! Просто красавец! Ноги босые, нечесаная седая грива до плеч и набедренная повязка из медвежьей шкуры. На лбу над бровями изогнутая кость – кусочек чьего-то ребра длиной сантиметров 10. На концах она обвязана ремешком, который, как бандана, слегка придавливает мою шевелюру. На шее висит потрескавшийся от старости клык саблезуба. За спиной мешок из плохо выделанной кожи, а в руке, конечно, сучковатая палица средних размеров.

Все, что снаружи, разумеется, грязное, засаленное, со следами длительного небрежного употребления, однако исполнено по последнему слову науки и техники. Амулет на лбу, конечно, вовсе не обломок ребра. В эту штучку встроены две видекамеры и таймер. Видеть цифры на нем я, конечно, не могу, зато на ощупь можно посчитать зарубки. Их количество будет уменьшаться по ходу дела: каждая – один час. Сейчас их 24 и они мелкие, поскольку еле помещаются на свободном пространстве. Ремешок-бандана на голове в основном прикрыт

волосами. Снять его практически невозможно – если только вместе со скальпом. Я сам настоял на таком креплении.

Клык на шее – тоже, конечно, имитация. В нем еще один таймер – уже с минутами и секундами, а также мощный фонарь – надо только свернуть на сторону кончик. Палица оказалась хороша – из армированного пластика «под дуб», прекрасно центрированная, со следами обработки каменным рубилом. В ней спрятан мощный электрошокер – если полностью «утопить» сучок в рукоятку, то, наверное, и мамонта можно свалить. А вот набедренная повязка сделана из настоящей шкуры и не содержит никаких секретов, поскольку велика вероятность, что мне придется обходиться без нее.

Глава 3

Контакт

И вот я стою под низким серым небом и смотрю на заснеженные горы вдаль. А вокруг – на три стороны – желтовато-зеленая, с пологими холмами, степь до горизонта, освещенная тусклым сквозь дымку солнцем. Редкая жесткая трава по колено, ее волнами гоняет холодный ветер. Красота, пустота, безысходность... Впрочем, жизнь тут есть – суслики чирикают, птицы летают, а вдаль, если присмотреться, пасутся какие-то травоядные.

Надо полагать, что к стенке моего желудка уже намертво присосалась микроскопическая капсула. И желудочный сок начал растворять ее оболочку – время пошло. Когда она растворится совсем, загадочная сила выплюнет меня обратно под стартовый купол в Сколково. Меня или то, что от меня останется...

При подготовке я успел наслушаться всяких страстей о возможных ошибках или неточностях во времени и месте прибытия. Плотность населения в те времена была ничтожна, так что можно было оказаться вдаль от нужного поселения. Или, того хуже, как раз там, где нужно, но до того, как тут поселились люди, либо после того, как они исчезли. В последнем случае такая ошибка снимала с меня всю ответственность – что тут поделаешь? А вот в первом... Местные пейзажи мне показывали во время «информационного погружения», но я, осмотрев и засняв здешнюю панораму, так и не смог решить, «то» это или «не то».

«Одно, пожалуй, несомненно – от гор я нахожусь слишком далеко. Основные видимые вершины, вроде бы, узнаются, но друг относительно друга они расположены как-то не так. Надо полагать, другой ракурс. Прежде, чем приближаться к ним, надо, наверное, несколько километров пройти вдоль. Посмотреть, как будет меняться пейзаж – может, что и прояснится».

И я пошел. Сначала по «целине», а потом по еле заметной тропинке, протоптанной, наверное, животными. Поначалу все было хорошо и даже приятно. В голове текли неспешные мысли о том, что я, не первый год изображающий дикаря, на самом деле человек сугубо городской – даже на рыбалке ни разу не был, никогда не ходил за грибами. В семье такой традиции не было, а самого как-то не тянуло. Природу я не знаю и не понимаю – наверное, напрасно...

И вдруг – ни с того, ни с сего – в душе возник какой-то дискомфорт, появилась этакая легкая тоска и тревога. Это было мне знакомо: я уже давно заметил, что подобное состояние возникает перед какими-нибудь неприятностями. Прямой связи тут нет – гадость может и не случиться, но чаще все-таки случается... Я даже придумал способ бороться с этим «роком» – надо изменить нормальный ход событий. Например, пройти на работу другой дорогой, поехать на метро, а не на автобусе, перейти дорогу не здесь, а там. Это, конечно, не панацея, но иногда помогает. Или так только кажется.

«А что можно изменить здесь? И в чем, собственно, дело? Не так суслики чирикают? Не так птицы летают? А как, собственно, должны?» Я шел по тропе и пытался вслушиваться-всматриваться в окружающий мир, время от времени останавливался, поворачивался и оглядывал пройденный путь. Иногда мне мерещилось какое-то шевеление в траве на перегибах склонов, иногда казалось, что кто-то смотрит мне в спину. Все вдруг стало плохо: ветер холодный, земля бугристая, рюкзак тяжелый, а дурацкий клык при каждом шаге стучит по груди: «Я тут прямо как младенец в джунглях! А может, за мной саблезубый тигр крадется? Или окружает стая гиен? Ща-ас ка-ак накинута! Угу... Они накинута, а я их из пулемета – трат-та-та! Знай наших, которые из двадцать первого века! Мы вооружены и очень опасны! Вообще-то, совсем не смешно... Здоровенные гиены, кажется, входили в состав мамонтовой фауны и вполне могут тут водиться. Пулемет у меня есть, но он, разумеется, на самом дне рюкзака. Надо бы достать...»

Рюкзак я поставил на землю, развязал ремешки и раскрыл горловину. Первым делом снял и швырнул туда надоевший фальшивый клык – потом надену! Снаряжение я загружал в мешок самостоятельно и оно, разумеется, лежало в нем валом и вперемешку. Прежде, чем я докопался до оружия, под руку попались «бусы» – колотые и чуть окатанные агаты на ремешке. Против воли залюбовался – камушки специально подбирали самые яркие, чтоб можно было использовать их как подарки или валюту. Налюбовавшись, я намотал связку на левое запястье: «Красиво! Может, такой браслет при контакте сразу поднимет мой ранг – без всякого мордобития? Оставлю пока...»

Тут я поднял глаза, мельком глянул вдаль и вздрогнул: «Блин горелый! Вот теперь это точно не глюк! – Пулемет мигом нашелся, я схватил его и навел короткий ствол куда-то вдаль. – Что это было?! Да ничего... Просто некий наблюдатель на бугре решил сменить позицию – встал, перебежал на другое место и снова залег. Это, значит, пока я в мешке рылся... А он с копьем вроде бы... Вот он, контакт! А ученые переживали, что я вообще никого не встречу! Мне говорили, что в подобных случаях инициативу надо брать в свои руки – это однозначно!»

Я и взял ее: вскочил на ноги, взмахнул руками над головой и заорал во всю глотку:
– Э-гей!! Кто там есть!! Выходи, я тебя видел!!

Сначала реакции не было никакой – только посвист ветра. Я уже начал сомневаться в том, что действительно кого-то видел, как вдруг...

Они появились почти одновременно – здесь и там. Скорее всего, просто встали из травы. Шесть человек, образовав широкую дугу, стояли и смотрели на меня. До них было, наверное, метров 200. Я разглядел только, что на них короткие балахоны из шкур и у каждого по несколько небольших копий или дротиков.

В этой ситуации я не придумал ничего лучше, чем встать, гордо распрямив плечи, сложить на груди руки и ждать дальнейшего развития событий. Дождался...

Туземцы рассматривали меня минут пять, а потом пошли на сближение. Делали они это очень осторожно – то ли боялись меня спугнуть, то ли сами были готовы в любой момент пуститься наутек. Когда до ближайшего воина-охотника (или наоборот?) осталась сотня метров, мое предположение переросло в уверенность: «Это – кроманьонцы. К моему заданию они, конечно, отношение имеют, но косвенное. Лучше бы на них время не тратить...»

А расстояние сокращалось – 70 метров, 60, 50... На этой дистанции они остановились и обменялись короткими репликами.

– Подходи, не бойся! – приветливо помахал я рукой. – Поговорим за жизнь!
– Кой!! – прозвучало в ответ.

...И летящий дротик превратился в точку – метатель не промахнулся.

«...В бою нет равных Сане Троглодиту – реакция у него как у мухи, а удар как у слона!...» – сказал один «конферансье». И был прав: скорость реакции у меня отменная. Думаю я медленно, а соображать и двигаться могу очень быстро. В общем, от дротика я увернулся (еле-еле!) и сообразил, что бросок был сделан с предельного расстояния: «Если чуть ближе, или если залпом, то хана без вариантов. Бежать! Немедленно увеличить дистанцию!»

И я рванул, успев прихватить только пулемет.

Стометровка получилась, наверное, на уровне мировых рекордов. А вот дальше... Ну, не стайер я, не та конституция. Перешел на шаг, стараясь быстрее восстановить дыхание. И сразу понял: «Ну и дурак же я! Почему сразу не догадался?! Зачем охотнику в степи сразу несколько копий? Конечно же, чтоб кидаться ими! Для контактной охоты хватит и одного. А за кого они могли принять меня? Ну, конечно же, за неандертальца – кого же еще?! А я им ручкой машу – ой, бли-и-ин! Ну, дура-а-ак!»

Надежда на то, что первобытные ребята займутся грабежом рюкзака и оставят меня в покое, не оправдалась. На мешок они, наверное, даже внимания не обратили и теперь, двигаясь легкой изящной трусцой (залюбоваться можно!) быстро сокращали дистанцию.

Побежал и я – тоже трусцой, но гораздо менее легкой. Кроманьонцы держались примерно в сотне метров сзади, и, кажется, беседовали на ходу. Примерно через километр бессмысленность этого мероприятия стала для меня очевидной – никуда я от них не убегу: «Может, на то и рассчитывают? Загонят до потери дееспособности, возьмут живым и приведут в стойбище – будут пытаться, а потом принесут в жертву каким-нибудь духам».

Я опять перешел на шаг – дыхание сбилось окончательно, мою буро-седую шерсть подмочил пот. Где-то впереди – с километр? – смутно угадывались прирусловые обрывы реки. Или это был просто овраг. «Они меня туда специально гонят, сволочи, или я сам выбрал направление?! Гадство, ну не умею я бегать и думать одновременно!»

Все-таки здравый смысл взял верх: оглянувшись назад, я смог понять, что творю глупости – одну за другой. Эти поджарые длинноногие парни двигаются с легкостью антилоп. Мне ли от них бегать?! У меня нет преимуществ перед ними кроме... пулемета!

Мысль об оружии, которое я все еще сжимал в правой руке, подействовала странно.

Но знакомо...

Разум мой начал гаснуть, как не раз случалось в последние годы перед бурными конфликтами. Его место заполняла мутно-багровая ярость – плевать на следствия и последствия, порвать убитых, раздавить! Они – вот эти!? – на меня!? Да я их...!!!

Дыхание как-то сразу наладилось. Или я перестал обращать на него внимание. Стал спокойным и упрямым. Мне бы сейчас лом... Но лома не было, и я стиснул магазин, он же рукоятка, пулемета. Потом вспомнил, что нужно передвинуть рычажок, чтобы машинка заработала. Тронул его пальцем, и он послушно занял нижнее положение. Это было, наверное, последнее просветление моего сознания...

Увидев, что жертва остановилась, воины-охотники снизили темп, а потом перешли на шаг. Они больше не переговаривались, не обменивались жестами. Вероятно, план действий был принят, и моя судьба решена. На расстоянии метров 40–50 двое изготовили копьё к броску (похоже, у них копьеметалки!) и...

– Р-А-А-А!!!

Безобразное чудовище, которое они робко пытались прикончить, разозлилось и устремилось в атаку. Я орал и бежал прямо на них. Горизонт и тонкие фигурки на его фоне плясали перед моими глазами. Где-то между тем и этим помещался прицел, только его не было видно. Я просто бежал, ревел и давил на курок. Давил, и сознавал, что впереди меня несется веер смертоносных кусочков свинца в оболочке. Каждый из них способен сделать мертвым хоть мамонта, хоть носорога! А, гады!!!..

Они заматались, замахали лапками, они...

Но машинка вдруг перестала работать! Не останавливаясь, левой рукой я начал что-то на ней нажимать, куда-то давить, но нога вдруг потеряла свободу...

...И я полетел на землю. Можно сказать, кувырком.

Скелет у меня крепкий – и краниальный и посткраниальный. Чтобы его ломать, нужен более серьезный противник, чем сурок со своей норой. В общем, очухался я очень быстро.

Первое, что выяснилось – моих врагов в обозримом пространстве нет: «Спрятались? Убежали? Или я их замочил? Тогда надо поискать трупы...»

И второе – пулемет, что с ним случилось? «Да ничего особенного – просто патроны кончились. Да? С таким же успехом можно утверждать, что в порыве «восторга» я рукой раздавил магазин как жестянку из-под пива. Естественно, там все заклинило... В общем, можно выбросить. Но тогда половину стоимости вычтут из моего гонорара! М-э-э... А плевать три раза!»

Результаты беглого осмотра ближайших окрестностей были неутешительны – никаких трупов в траве не валялось. Более тщательный обзор расстроил меня окончательно: «Мои дру-

зья никуда не делись – туточки они! Ну, отбежали чуть подальше, но добыть «этого бычка» вовсе не раздумали. Да на хрена ж я им сдался?!»

Отвечать на этот бессмысленный вопрос было некому. Впрочем, речь вообще не шла о вопросах и ответах – надо было как-то сломать, изменить безнадежный расклад ситуации. «Герои бесчисленных кинобоевиков в подобных ситуациях прячутся в пещерах или прыгают в водопад. Я, конечно, гораздо круче, но вокруг ни пещер, ни водопадов нет, а патроны кончились! Для полного счастья не хватает только, чтоб зуб разболелся! Что делать, что-о??!

Там впереди... То ли овраг, то ли река... Хуже не будет, потому что некуда... Пока они перекуривают... Успею... А?»

И я побежал. Побежал не с рывка, а медленно, но ускоряясь по мере приближения к смутно угадываемому провалу в травянистой поверхности степи. Пару раз я оглянулся – кроманьонские воины-охотники неторопливо бежали за мной на привычной дистанции – метров сто.

Атаковать на ходу мои преследователи, кажется, не собирались, и я не столько оглядывался на них, сколько смотрел под ноги – проваливаться в ямы больше не хотелось.

«Бугор..., низина..., снова бугор... Жесткие стебли травы хлещут по ногам... Ч-ч-ерт, сколько же еще?! Ну, быстрее!.. Все!!!»

С разгона я чуть не ссыпался вниз – с края песчано-глинистого обрыва высотой метров десять. Дальше река – спокойная и широкая. Собственно говоря, обрыв был только здесь, а справа и слева можно спокойно спуститься к воде. Оглянулся назад: развернувшись короткой цепью, кроманьонцы приближались. Увидев, что я остановился, они перешли на шаг.

Сердце мое бешено колотилось, легкие работали на пределе, пытаюсь насытить кровь кислородом. Думать было некогда и нечем. В мозгу мелькали какие-то обрывки мыслей типа: «... На бегу им неудобно пользоваться копьеметалками... Загнали к реке и окружили... В воде дротик не метнешь... Быстрее!!!»

Последняя мысль показалась единственно верной, и я прыгнул вниз. Свободного полета получилось метра два, а дальше я катился, вставал, прыгал и снова катился. И в конце концов оказался на последнем уступе, с которого, не задерживаясь, рухнул в воду.

И сразу пошел на дно.

В юности я люто завидовал сверстникам, которые без особых усилий могут держаться на воде, а то и просто лежать на ней, приняв соответствующую позу. А у меня скелет тяжелый, я тону как кирпич. Правда, плавать все-таки научился, однако это требует значительных усилий.

По-хорошему, оказавшись под водой, надо было постараться отплыть подальше от берега, только мне было не до этого. Воздуха я набрать не успел, задержать дыхание толком не смог и хватанул в легкие воды. Кое-как сообразил, где тут дно, а где поверхность, едва успел вынырнуть, как начал кашлять и плевать.

Кое-как одолел спазмы и, активно загребая руками и ногами, расположил тело в воде вертикально. Тут же сообразил, что торчащая из воды голова, наверное, является прекрасной мишенью и сейчас в моем черепе образуется дырка. Однако ничего не случилось: оказалось, что мои «друзья» стоят на краю обрыва и, вероятно, с интересом наблюдают, как я тут барахтаюсь.

Некоторое время мы созерцали друг друга. Меня потихоньку сносило течением, я готовился нырнуть, если кто-нибудь из них поднимет дротик. Однако ничего не происходило. Как только дыхание приблизилось к норме, я набрал полную грудь воздуха, погрузился в воду и поплыл прочь от берега. Метров через десять вынырнул, перевел дух и опять нырнул. Потом поплыл уже нормально – держа голову над поверхностью. Кроманьонцы в меня не кидались – наверное, не хотели терять свои дротики.

Река оказалась шире, чем показалось сначала. Я усиленно греб руками-ногами, но ледяной берег впереди почти не приближался. А вода была ледяная, конечности постепенно теряли

чувствительность, слушались все хуже и хуже. Медленно, но неуклонно, я приближался к тому рубежу, когда и умереть не страшно, лишь бы перестать двигаться. Начали накатывать деструктивные мысли о безнадежной бессмысленности всей моей жизни в целом и данного мероприятия в частности: «Пора умирать, Саня!..»

В какой-то момент я понял, что уже не плыву, не продвигаюсь вперед, а просто пытаюсь удержать голову над поверхностью, работая одними руками. Берег, в общем-то, уже довольно близко, но это не имеет значения, поскольку ног я не чувствую, а руки...

«И совсем не страшно!.. Зачем же было столько мучиться?... Теперь – все...»

Что-то, однако, было не так – мучительно не так! Никак не тонулось...

С превеликим трудом я все-таки сообразил, в чем тут дело. Просто не хватает глубины – дно рядом!

Природа оказалась милостива ко мне: едва я улегся на гальке возле воды, как выплянуло солнце и стало меня согревать – хорошо-то как!

«Хорошо-то хорошо, да ничего хорошего, – сообразил я, окончательно очухавшись. – Один персонаж Щепетова, помнится, оказался в каменном веке с ножиком и зажигалкой в кармане. А у меня нет и этого: все, все, что нажито непосильным трудом – в смысле наследия тысяч лет цивилизации – сгнуло бесследно! Остались только бусы на руке, да видеокамеры на лбу. Даже палицу «под дуб» потерял... Ну, подумаешь, палица! Выломаю деревце с корнем, обломаю сучки и... Интересно, что же это я тут – в степи – выломаю? Правда, по берегам плавник валяется... Плавник... Значит, в верховьях лес! Ну и что?»

Сколько я ни тужился, не смог придумать ничего лучше, чем отправиться на ближайший холм и попытаться оценить обстановку. Оценил: все те же горы вдали, все те же... Но!

Но теперь их ломаный контур совпадал с тем трафаретом, что хранился в моей памяти! И видел я его раньше не только при «информационном погружении», не только...

И я пошел – прямым курсом через степь, целясь на далекую вершину с раздвоенной верхушкой. Идти вдоль реки нечего было и пытаться – сплошные овраги или заболоченные устья притоков. С каждым пройденным километром уверенность моя крепла – где-то там должна быть «летовка» клана или группы тхо-Найгу. Правда, не факт, что тхо здесь уже появились или еще существуют. Так или иначе, но я туда доберусь. Или, во всяком случае, сделаю все возможное для этого.

Глава 4

Пришелец

В игры со временем ученые всех более-менее развитых стран начали играть давно. В неразвитых странах этим, естественно, занимались колдуны и маги. У кого получалось лучше, вопрос спорный, поскольку совместных конференций они никогда не устраивали. В послевоенные годы трудовой коллектив одной глубоко засекреченной «шарашки» совершил-таки прорыв в какое-то прошлое. Именно в «какое-то», поскольку фактических отличий от нашего выявлено не было, однако и эффекта «бабочки Брэдбери» не наблюдалось – настоящее не менялось, что в этом прошлом ни вытворяй. Даже какие-то предметы удавалось перемещать в обе стороны.

Всем, даже далекому от научных проблем советскому руководству, было ясно, что так не бывает: если где-то что-то убавилось, то где-то должно прибавиться. И наоборот. Где же, в каком настоящем происходят катастрофы из-за того, что сотрудники «Хроноса» орудуют в каком-то прошлом? На всякий случай, экспериментальную часть исследований остановили, устроив как бы карантин.

Отбушевали и улеглись мутные волны перестройки. К власти пришли новые люди с новым мышлением: если где-то есть выгода, то ее надо извлечь! В итоге путешествия в «безопасное» прошлое стали коммерческим предприятием – даешь хронотуризм!

Надо сказать, что эксперименты были остановлены на самом интересном месте. Никаких нано-капсул тогда, конечно не было. Переброски осуществлялись «врукопашную» с точностью «на глазок» при чудовищном расходе энергии. Попасть дважды в одно и то же место-время было исключительно трудно. В конце концов, ученым удалось проложить несколько «троп», обозначенных в пространстве-времени своего рода маячками-реперами. Одна из этих «троп» заканчивалась – или начиналась? – в летнем поселении неандертальцев. Первобытного мальчишку выдернули оттуда не навсегда. Он должен был почти сразу же и вернуться обратно, но... не получилось. А потом эксперименты остановили, аппаратуру обесточили.

Живой неандертальский мальчик представлял бы огромную ценность для науки, если бы он точно происходил из нашего прошлого. А так... Вряд ли руководитель группы мечтал о приемном сыне. Но что было делать с уродливым ребенком, на котором можно было сразу ставить гриф «совершенно секретно»? Моя будущая «бабушка» имела тогда доступ к секретной документацией и сумела сделать так, что «виртуально» я исчез. А «реально» остался.

И вот теперь я иду домой...

* * *

Среди прочего возникла проблема: а, собственно, что здесь сейчас? Утро или вечер? Поскольку солнца видно не было, сходу решить эту проблему я не мог. Она решилась сама – стало темнеть. Потеря времени на ночевку оказалась неизбежной, и я решил идти до упора – пока вижу ориентиры. Всяческих ночных хищников я опасался не сильно – все-таки целенаправленно на приматов охотятся только леопарды, а здесь не Африка. Может, конечно, кто-нибудь съест – так, между делом, но тут уж ничего не поделаешь. Наверное, потратив время и силы, я смог бы добыть огонь и разжечь костер, но не факт, что он кого-то отпугнет, а не приманит. Например, кроманьонцев... В общем, буду идти, пока хоть что-то видно.

Расчет в целом оправдался – небо над горами почти всю ночь оставалось светлым, и ориентир было видно. Правда, я то и дело попадал или в кусты, или в какие-то рытвины. В

конце концов я устал брести, спотыкаться и материться, залез в какую-то яму, где меньше дуло. Там я сначала сел, а потом прилег на бок в ожидании рассвета. И уснул.

Вообще-то, я только прикрыл глаза и сразу же открыл их, но вокруг было уже светло, а тело ныло от неудобной позы. Первое, что я сделал, справив нужду, – это начал считать ногтем зарубки на амулете. Их стало меньше, но они увеличились, заняв все свободное место. «Та-ак, десять часов долой, осталось четырнадцать, – сообразил я. – И чем же можно развлечься за это время?»

Пока я карабкался на ближайший бугор, окончательно рассвело. И цель путешествия предстала во всей красе: летовка!

* * *

Теперь – став взрослым и мудрым – я понял, что это место для жизни люди выбирали не абы как, а с тонким расчетом. Тут есть все, что нужно для комфорта: ветер, который сдувает комаров и мошку, кусты для топлива и снежник, в который можно закапывать излишки мяса. Правда, до реки отсюда почти километр, но на моей памяти никто никогда не ходил купаться.

Явиться вот просто так в поселок, конечно, было бы не просто глупостью, а смертельной глупостью. Поэтому я перебрался на холмик поближе и долго лежал там, рассматривая свою «малую родину». Я надеялся оценить количество жителей и, может быть, вычислить местного лидера-доминанта. Кроме того, надо было прикинуть, с какой стороны подходить к жилищам, чтобы не оказаться в «общественном туалете». У моих сородичей сортир – это вовсе не будочка из досок. Хорош же будет пришелец, появившийся из загаженного оврага!

С подходами и отходами я разобрался довольно быстро, а вот с личным составом это не получалось – я его не видел! Среди конических жилищ, покрытых разномастными шкурами, передвигались только женщины – больше десяти, и дети – меньше пяти. «А куда делись мужчины? На охоту ушли? Что ж... Значит, вначале не придется ни с кем конфликтовать. Зато когда мужчины вернуться, они попытаются меня сразу же убить – чужак проник на «сакральную» территорию жилья без разрешения хозяев. Нет, мне нужен хоть кто-нибудь мужского пола, причем взрослый. Иначе лучше поискать другой поселок, до которого, как минимум, несколько дней пути...»

Много лет «цивилизованной» жизни изрядно ослабили мою холодоустойчивость. В принципе, зимой в городе я мог бы обходиться вообще без одежды, но это не принято. А постоянное хождение в «утеплителе» расслабляет. В общем, я уже начал подмерзать на ветру, когда увидел-таки нечто полезное. Из крайнего жилища выбрался человек. Судя по тому, как он справил нужду недалеко от входа, это не женщина! Затем данная особь двинулась за пределы поселка, причем в мою сторону. Судя по всему, это был недолеченный раненый, калека или старик. Некоторое время я наблюдал за ним и сделал приятный вывод: «Скорее всего, он направляется прямо к моему наблюдательному пункту. Вероятно, здесь какое-то важное место, раз валяется столько не бытового мусора». Еще через некоторое время я разглядел, что ноги у человека ненормально кривые – прямо-таки колесом. Надо полагать, это результат болезни или травмы. Когда туземец скрылся за перегибом склона, я уселся на видном месте – дескать, не прячусь! При этом повернулся к поселку спиной – не подумай, что подсматриваю за вами! И стал ждать.

По моим представлениям, нормальная реакция первобытного человека, который вдруг наткнулся на чужака, это повернуться и бежать к своим, дабы сообщить о случившемся. Однако я полагал, что бежать он не сможет. Кроме того, сообщать о моем появлении некому – воины куда-то ушли и, по сути, поселок сейчас в моей власти.

Его шаги по тропе и пыхтение я, конечно, услышал заранее, однако головы не повернул и даже глаза прикрыл, как бы погрузившись в медитацию. Подсматривал лишь краем глаза. И опять мне повезло! То ли туземец был подслеповат, то ли сосредоточился на камнях под

ногами, только разглядел он меня, когда мы оказались буквально в нескольких метрах друг от друга. Реакция была ожидаемой – вздрогнул, пригнулся, повернулся и кинулся...

– Куда и зачем ты собрался бежать? – медленно проговорил я, сохраняя неподвижность.

Туземец замер на месте. Некоторое время он осмысливал случившееся, а потом хрипло выдал:

– Кто ты?

И я понял его!

Это – мои пресловутые лингвистические способности, которых нет. Во время «информационного погружения» я не пытался ничего учить, ничего запоминать. Только вспоминал, освежал, вытаскивал на поверхность памяти язык моего детства. Да и не язык это вовсе в обычном смысле, это звуковая коммуникация людей с иным мозгом. Например, «слов» очень мало, зато бесчисленное количество интонационных оттенков. Они постоянно меняются и, если бы я сильно промахнулся во времени, то оказался бы здесь немым и глухим. Кажется, не оказался...

– Я – человек. Унаг-тхо-Найгу зовут меня, – так же медленно ответил я, сдобрив сообщение целой грудой смысловых оттенков. Главными среди них были гордость за себя любимого и миролюбие.

– Арю мое имя, – изумленно ответил туземец.

Его изумление было легко понять: я представился полностью, обозначив свою территориально-групповую принадлежность – принадлежность к его группе! Несколько секунд он, вероятно, рылся в памяти, а потом неуверенно проговорил:

– Я не знаю (никогда не видел) тебя. Ты пришел от тех, кто жил раньше (из мира мертвых)?

– Да, я был раньше, – решил я на сложную игру. – Но не жил с предками (не был в мире мертвых). – Я родился здесь, но потом ушел в горы за Длинной рекой. Теперь вот вернулся сюда. У меня нет зла, поговори со мной.

– А ты точно... не мертвец?

– Точно! – заверил я, повернулся лицом к собеседнику и благожелательно улыбнулся, опустив глаза. – Посмотри, разве перед тобой мертвый или чужак?

– Н-нет, пожалуй...

На радостях, что попал в близкое к родному время, что язык полностью соответствует, я задействовал самую простую и близкую к правде легенду: родился, мол, здесь, а жил на «дружественной», но очень далекой территории, с которой данная группа когда-то пришла. Перед заброской с моей растительности удалили краску, и она приобрела естественный цвет – стала почти полностью седой. Век моих соплеменников короток – мало кто доживает до тридцати. Так что я, наверное, должен выглядеть патриархом – кто тут вспомнит мое детство?

В руке Арю держал несколько коротких толстых палочек с какими-то зарубками и насечками. Для начала разговора я поинтересовался, указав на них:

– Сильные амулеты, да? Зачем ты принес их сюда?

– Это не амулеты, это – ханди! Это «слово» я хорошо помню с детства. Оно несет смысловые оттенки брезгливости, презрения, ненависти, страха и еще много чего – все в одном стакане. Условно-приблизительно перевести его можно как «ненастоящие люди», «чужаки» или просто «нелюди». Как я теперь понял, в большинстве случаев «наши» так называли кроманьонцев. Эти палочки, конечно, не люди, а их обозначения.

– О-о, ханди! – понимающе закивал я. – Тогда делай с ними то, что задумал. Здесь, наверное, хорошее место?

– Очень хорошее!

– Я не стану мешать тебе. Если боишься, что испорчу твою магию, могу совсем уйти!

– А ты портишь колдовство? – подозрительно спросил Арю.

– Н-нет, обычно только усиливаю! – заверил я.

– Тогда оставайся!

Арю приступил к действию немедленно. Очистил от мусора выступающий из земли пологий горб валуна, подобрал подходящий булыжник и принялся им дробить на валуне свои примитивные статуэтки – головы, ноги, тела. Делал он это весьма старательно – не оставляя крупных кусков. В конце концов, он собрал щепки и, встав на ноги, швырнул их в воздух.

– Вот и все, – с чувством глубокого удовлетворения произнес туземец. – Теперь им точно какюк (смерть, прекращение существования).

– Несомненно! – охотно признал я. – Но скажи мне, зачем такое сильное колдовство из-за каких-то ханди? Разве они стоят этих хлопот (усилий)? Когда я был молодым, на них плевали и мочились!

Арю посмотрел на меня с уважением, граничащим с испугом:

– Наверное, ты очень давно был молодым, Унаг?!

– О, да! Многие сородичи успели родиться, вырасти и умереть, а я все живу! – Не без гордости ответил я и указал на кость, привязанную ко лбу. – Этот сильный амулет хранит меня!

– Ух ты-ы!..

– Я очень, очень давно ушел отсюда! Может быть, ты мне расскажешь, что интересного произошло здесь за время твоей жизни?

– Расскажу, конечно расскажу, уважаемый Унаг!

«Что ж, – подумал я, слушая не очень связный рассказ туземца. – Первый контакт прошел прямо-таки ненормально гладко. Даже подозрительно... Этот Арю – увечный мужчина чуть старше среднего возраста – безоговорочно признал меня «своим», причем самцом более высокого ранга. Возможно потому, что его собственный ранг в местной иерархии, так сказать, ниже плинтуса. Во всяком случае, в жилище он меня не пригласил – такое деяние ему «не по чину». Наверное, сначала меня должен признать доминант или хотя бы субдоминанты...»

Наводящих и уточняющих вопросов пришлось задавать довольно много, но сложившаяся картина того стоила. Получилось примерно следующее:

Многие тысячи лет неандертальцы жили на границе Страны Камней и Страны Травы – в горах и предгорьях, за которыми начиналась тундростепь. Жили небольшими разобщенными группами, занимающими места, удобные для добычи крупного и среднего зверя. В большинстве случаев это были своеобразные природные ловушки, в которых звери – мамонты, бизоны, лошади, олени – и без помощи людей регулярно гибли во время миграции. Если же люди им помогали... то были сытыми большую часть года. В общем, обрывы возле троп, прижимы, переправы, узости в ущельях. Очень «кормными» были заводи на реках, куда весенним паводком носило провалившихся под лед и погибших животных.

Так называемые ханди когда-то давно появились в степи на юго-востоке. Несколько поколений тхо-Найгу слышали рассказы о «нелюдах», но никогда не встречали их. Потом стали встречать. Эти тонконогие прямоходящие существа, увидев людей, немедленно разбежались, бросив добычу. А бегали они хорошо...

Год от года встречи становились все чаще. Очевидно, пришельцы быстро размножились, и голод гнал их на поиски новых угодий. Однажды летом охотники наткнулись на целый лагерь нелюдей. Там были даже самки! Против обыкновения самцы не разбежались, а вступили в бой, орудуя палицами и копьями. Их было гораздо больше, чем нападающих, и в бою один человек погиб, а трое были тяжело ранены. Победители долго спорили, можно ли употреблять в пищу мясо этих существ. Самки почему-то не разбежались, хотя на них поначалу никто не обращал внимания. Потом внимание обратили и обнаружили, что с виду они очень похожи на женщин. Решили попробовать. И попробовали. Понравилось... В общем, трупы самцов бросили на месте, детенышей перебили, а самок забрали с собой.

Так началась межвидовая «дружба». Инициаторами, то есть атакующей стороной, в ней почти всегда были люди, и, тем не менее, на место перебитых нелюдей рано или поздно приходили новые.

В начале этого лета охотники опять наткнулись на лагерь ханди. В нем видели даже самок и детенышей! Они обосновались в одном из мест, где стада лошадей и оленей обычно переплывают реку. Это очень далеко – на самом краю земли нашей охоты. Тем не менее, все три группы клана Найгу решили соединить силы и разобраться с пришельцами. Вот и пошли...

– А что, – поинтересовался я, уже зная ответ, – были случаи, когда ханди нападали на людей?

– Были, – вздохнул Арю. – Позапрошлой зимой наступил голод. Наши с трудом добыли двух бизонов далеко от поселка. Ханди напали большой стаей и пытались отнять мясо. Их, конечно, разогнали, но несколько человек получили раны.

– Просто беспредел! – возмутился я, не сумев с ходу подобрать аналог данному выражению. – Нельзя такое терпеть – это земля нашей охоты!

– Именно так вожди и сказали! – кивнул абориген. – Вот и отправились их убивать. А я каждый день колдую для них.

– А кто повел воинов?

– Конечно же, наш Юка, – с некоторой гордостью сказал Арю и добавил: – Среди мужчин Найгу ему нет равных.

– Свиреп? – догадался я.

– Еще как! – кивнул колдун.

– Бывает... Знаешь что? Давай так: ты меня не видел, а я не видел тебя. Договорились? А я пройду по степи и приду в поселок с другой стороны.

– Не делай этого, Унаг! – всполошился мой новый знакомый. – Люди могут вернуться в любой момент. Ни убежать, ни спрятаться ты не сможешь. Юка убьет тебя просто за то, что ты взрослый и сильный, за то, что на тебя будут смотреть его женщины.

– Зато я не буду на них смотреть! Буду смотреть на других.

– А других просто нет в поселке...

– Как это?! – почти искренне удивился я. – Всех баб – ему, а людям что же?!

– Это – не его воля, – объяснил туземец. – Просто все женщины хотят Юка, потому что он «самый сильный». Он только выбирает. Те, кто его не интересуется, достаются Раху или Табу. А все остальные... Простым людям приходится довольствоваться добытыми самками нелюдей. Поэтому они охотно ходят громить поселки ханди.

– Слушай, Арю! Мне становится все интересней и интересней! Я обязательно должен побывать в поселке. Ну, а если меня там застанут ваши воины... Значит, кто-то отправится к предкам. И вовсе не обязательно это буду именно я.

– Иди, если так хочешь, – вздохнул колдун. – Только ты никогда не видел меня, а я – тебя.

– Воистину это так! – кивнул я.

Глава 5

Исследователь

И вот возле жилищ неандертальского поселка появился незнакомый самец – с виду вполне матерый. Обычно таких – седых и могучих – в группе больше одного не бывает. «Не факт, конечно, что я выгляжу достаточно могучим... Впрочем, вон ползут стражи этого места – сейчас проверим!»

По универсальным правилам первобытного – и не только! – этикета чужака должны встретить вооруженные мужчины и «прояснить» его. Я же был вооружен лишь Знанием: «Меновая торговля и, соответственно, путешествия, кажется, стали модными только в неолите. Тогда, наверное, незнакомца встречали с мыслью о пользе (товаре?), которую он может принести. А в палеолите, надо полагать, в первую очередь думали о том, чтобы не позволить чужаку нанести сородичам ущерб – колдовской-магический, разумеется. Самый надежный способ самообороны, конечно, это прикончить пришельца на месте. Это если он не предъявит веских аргументов против такого деяния. Ну, щас предъявим!»

Охранники стойбища, конечно, не ползли мне навстречу – они ковыляли. Мужики выглядели, пожалуй, чуть мельче и моложе меня. У первого явно была повреждена нога (толком не сросшийся перелом?), у второго плетью висела левая рука, и при ходьбе его кривило на бок (ребра сломаны?) Тем не менее, оба были вооружены палицами, на которые опирались. И вот эта гвардия встала плечом к плечу, загородив мне дорогу. Точнее тропу, ведущую к крайним жилищам. Оружие они взяли наизготовку.

По всем канонам надо было вступить в диалог и объяснить людям, какой я хороший. Однако «внутренний голос» шепнул мне иное, и я решил его послушаться. Остановившись в двух-трех метрах, я демонстративно оглядел воинов, после чего изобразил на лице гримасу глубокого презрения, сплюнул на землю и рывкнул:

– Прочь, уроды!!! Вы на кого палки подняли?!!

Кажется, ребята и раньше яростью не пылали, а тут и вовсе стушевались. Чем я немедленно и воспользовался – одному врезал по уху, а другого пнул в живот. Оба полетели на землю. Я прошел было мимо, но вовремя спохватился, вернулся и забрал одну из палиц – наверное, тут неприлично ходить без оружия.

Мысль о приличиях заставила меня притормозить и додумать ее до конца: «Из детства помню, что самые главные люди, которых все боятся и любят, летом ходили голыми. Чтобы все могли видеть их «авторитет». А вот остальные мужчины прикрывали чресла шкурами. Для этих остальных пройтись при людях голым – значит бросить вызов сильному мира сего. А я кто? С виду патриарх – седой и сильный. Но в набедренной повязке. Стоит ли выяснять, как это будет истолковано? А-а, была не была! – Я развязал ремешок на поясе и отбросил в сторону такой уютный кусок шкуры. – В конце концов, «авторитет» у меня не маленький, есть что показать!»

Как и следовало ожидать, при моем появлении наличное население – женщины и разнокалиберные дети – бросили свои дела и попрятались в «вигвамы». Оттуда они, естественно, стали подсматривать за пришельцем. «Ну, и что теперь делать? – размышлял я, блуждая между жилищ. – У меня задание, его надо выполнять, время идет, а я болтаюсь тут как дурак. Песенку им спеть, что ли, или лечь спать, как Миклухо-Маклай? Так ведь пришибут спящего для профилактики, и дело с концом».

Краем глаза я заметил, как из жилища выскочила женщина, что-то схватила на улице и юркнула обратно. Вход остался полуоткрытым. Данная особь была голой и, судя по формам, вполне половозрелой. Пришлось напрячь память, пытаюсь мобилизовать детские воспоминания о женском «языке тела». «Кажется, летом женщины прикрывают тела шкурами, когда у

них кровь, или когда они не хотят ни с кем таг-таги. А если красуются голыми, значит не прочь, если, конечно, партнер понравится. Это она что же, по мою душу голышом выскочила?! А что, если... И цивилизованные-то женщины в большинстве своем отдают приоритет чувствам, а не разуму, а уж первобытные...»

Вот напротив этого полуоткрытого входа – метрах в двух – я и остановился. Зевнул, почесался, а потом снял с запястья «бусы» и стал ими играть. Тут как раз проглянуло солнце, и разноцветные камешки заблестели всеми цветами радуги – глаз не оторвать! Невеликое время спустя в темноте жилища обозначились лицо и глаза, внимательно наблюдающие за моими манипуляциями. «Клюет», – подумал я, и властно рявкнул:

– А ну, вылезь!! Вылезай, кому говорят!!!

Раньше я демонстрировал девушкам свою интеллигентность и хорошие манеры, а они от меня разбегались. Потом стал рычать и хамить – эффект получился прямо противоположный. Сработало и теперь – женщина покорно выбралась из жилища.

Насколько можно было понять с первого взгляда, это была неандерталка в поре женского расцвета, причем, судя по повадке, не низкого ранга. В устремленном на меня взоре и выражении страшноватого личика читалось... Немножко страха, конечно, но больше, пожалуй, любопытства и восторженного интереса: «Ах, какой мужчина! Ах, какая у него красивая штучка!»

Надеясь, что правильно все понял, я покрутил в воздухе ремешок с камушками, намотал его себе на запястье, полюбовался, размотал и протянул даме:

– Держи! Это – твое!

– Уй! – сказала красавица.

Надо полагать, за нами следило множество глаз – в воздухе прошелестел дружный вздох или стон. На виду у всех дама некоторое время рассматривала подарок, не забывая поглядывать на пришельца. Эти ее взгляды подействовали на меня странным образом, точнее, на мой «авторитет», который вдруг, ни с того ни с сего, устремился к небу.

По лицу неандерталки расплылась горделиво-радостная улыбка. Она нарочито медленно повернулась и наклонилась, пролезая в жилище. При этом она чуть задержалась, явно демонстрируя мне ягодицы. Потом она выглянула из дыры и сделала еле заметный жест рукой – мол, заходи. «Кажется, события выходят из-под контроля», – подумал я, следуя за ней.

Вскоре поселок огласили ритмичные радостные вопли. Не мои, разумеется...

После окончания процесса выяснилось, что мы не одиноки – в жилище присутствует с полдюжины зрителей и еще кто-то заглядывает снаружи в дыру входа. Некоторое время я размышлял, какую научную пользу можно извлечь из содеянного. Ничего не придумал, и спросил:

– Как тебя зовут?

– Гаани мое имя. Я – любимая женщина Юка! – не без гордости ответила дама.

– Врешь! – клапан входа откинулся, и внутрь пролезла еще одна женщина – тоже голая. – Это я – любимая!

– Ты?! Да ты – страшная! Ты – противная дура! Уйди отсюда!

– Сама уйди, вонючка!!!

– А-а-а!!!

Миг – и дамы вцепились друг другу в волосы. При этом они активно подключили ноги, пытаясь угодить коленом сопернице в пах.

Некоторое время я любовался замечательным зрелищем. Этот поединок почему-то подействовал на меня, точнее на мой «авторитет», несколько возбуждающе. Я встал и с маху влепил по ягодице сначала одной красавице, а потом другой. Новенькую я ухватил за прическу и слегка приподнял над полом:

– Ты кто?

– Пусти! Больно! Я – Тогги!

– Угу! – ухмыльнулся я, отпуская захват. – Любимая женщина Юка?

– Да! Это я любимая, а не она!!

– Любимая, говоришь, – призадумался я. – Ну, раз любимая, тогда... ложись!

Надо сказать, что при соитии Тогги вопила еще громче – вероятно, хотела перещеголять соперницу.

Мир вокруг меня изменился. Я вдруг сделался как бы своим. Без малейшего страха дети бродили за мной по поселку или толклись рядом. Женщины перестали прятаться, выбрались наружу и делали вид, что занимаются своими делами, а сами беззастенчиво меня разглядывали. Ну, а я разглядывал их.

О том, что здесь представлены неандерталки и кроманьонки, я уже знал. Неожиданным оказалось то, как мало они различались внешне! Чтобы понять, кто есть кто, нужно было увидеть лицо анфас или в профиль. Как известно по найденным статуэткам, представительницы вида *Homo sapiens* в палеолите выглядели несколько иначе, чем их потомки десятки тысяч лет спустя. К тому же, здесь явно существовало некое подобие моды – набор приемов повышения привлекательности для мужчин. Так вот, приемами те и другие пользовались одинаковыми!

В конце концов, я избрал для себя «базу», с которой можно проводить исследования. Примерно в середине поселка имелось довольно обширное пустое пространство – сплошные камни, так что яму под жилище не выкопать. Я притащил туда мамонтовый позвонок, уселся на него и подозвал Гаани:

– Кто они? – указал я на двух кроманьонских женщин, распяливавших на земле лошадиную шкуру. – У нас такие не водятся.

И получил лаконичный, но исчерпывающий ответ:

– Никто!

При этом интонация, мимика и жест Гаани обозначили глубочайшее презрение. Однако меня, конечно, этим было не запугать:

– Так все считают, да? А скажи мне: почему? Потому что некрасивые, глупые или что?

Задача была, наверное, предельной для интеллектуальных возможностей моей неандертальской собеседницы – объяснить нечто само собой разумеющееся, то, над чем никто никогда не задумывался.

– Э-э-э... Сам не видишь, какие эти ханди противные?!

– Ну, не красавицы, конечно... – признал я. – Но в целом бабы как бабы: если лицо шкурой прикрыть, то, наверное, вполне можно употреблять по назначению, а?

– Вот и трахай их, как последний лахуз! – Гаани просто захлебнулась от возмущения. – С виду сильный мужчина, а заглядываешься на вонючих ханди! Знала б, что ты такой, ни за что б не дала!

– Но-но, полегче! – снизил я тональность до субконтроктавы, имитируя гнев. – Ты на кого лахузом дразнишься, мымра тощая?!

Тут надо было не переиграть: по моим представлениям, почерпнутым из книг по этологии, настоящий самец-доминант никогда не унижится до скандала с самкой. Просто накажет ее или отшвырнет и забудет. «Опыта у меня мало, блин! Как же это сделать?!» Ответить разумом на этот вопрос я не смог и просто доверился древним инстинктам. Равнодушно глядя в сторону, быстрым кошачьим движением вскинул руки, ухватил ее за голову и слегка повернул – еще чуть-чуть, и хрустнут шейные позвонки. В этой позе она пробыла недолго – только чтобы успеть осознать и понять. А потом я ее отпустил и, слегка подтолкнув, буркнул:

– Вали отсюда! Что б я тебя больше... Вон ту – толстую – позови!

– Прости меня, Унаг! – издала она надрывный стон из глубины души. – Я... Мне... Больше никогда!..

Однако я уже как бы забыл об инциденте и задумчиво сопел, разглядывая двух не очень молодых кроманьонок, возившихся со шкурой.

– Да-а... А они детенышей рожают?

– Рожают, рожают, Унаг!
– И кого рожают? Людей или ханди?
– Ну... Когда как... Не знаю...
– А по-человечьи говорят?
– Они же не люди, Унаг! Они же вонючие ханди!
– А? – грозный самец как бы очнулся и удостоил партнершу мимолетного взгляда. – Ты еще здесь?! Я же сказал: отвали! Позови ко мне толстуху.

– Она старая, глупая и не умеет доставить удовольствие! – раздался в ответ страстный шепот. – Она тебе не понравится!

– Угу, а ты, значит, умная... Кажется, я спросил, говорят эти ханди или нет?

– Не знаю!

– Иди отсюда! – вяло отмахнулся я. – Не зли!

– Те, кто живет у нас долго, понимают некоторые слова!

– Да? А какая из ханди находится здесь дольше всех? Кого поймали раньше?

– Зачем тебе?..

– ?!!... – Многозначительного взгляда хватило для продолжения диалога.

– Вон та старуха горбатая! Она тут была всегда!

– Ее имя (обозначение)?

– Тоб-лу, кажется...

– Приведи ко мне – прямо сейчас, – потребовал я. – Желая говорить с ней!

Гаани кинулась исполнять приказание. Заказ был доставлен буквально через пару минут – разъяренная неандерталка пинками гнала перед собой пожилую кроманьонскую женщину. Передо мной она схватила ее за волосы и мощным рывком поставила на колени – в «позу подставки».

– Возьми ее!

– Ага, вот сейчас все брошу... – пробурчал я. – Гаани, любимая, кажется, я объяснял тебе, что в нашей земле ханди не водятся. Мне нужно все узнать о них, чтобы рассказать моим людям, когда вернусь.

– А ты заберешь меня с собой?

– Разумеется! Какие могут быть сомнения?! А сейчас не мешай!

– Не буду...

– Встань! – приказал я кроманьонке и величественным жестом почесал пах. – Ты понимаешь язык людей?

– Понимаю...

– Это – хорошо, – удовлетворенно кивнул я. На глаз этой полуседой старухе было, наверное, слегка за тридцать. – Ты давно живешь среди людей?

– Меня привели еще до первой крови.

– Нормально... – буркнул я, пытаюсь вспомнить, что говорит наука о том, в каком возрасте у древних кроманьонов начинались месячные.

– Расскажи, как ты попала в плен, как попала к людям.

– А ты разве?..

– Нет! – рявкнул я. – Не буду делать с тобой таг-таги! Не надейся!

Женщина сразу как-то сникла. Это было понятно – соитие с таким высокоранговым самцом сразу повысило бы ее статус в местной женской иерархии. А вот мой – наверное, не понизило бы, поскольку настоящему доминанту плевать, что о нем думают, и он может трахать все, что шевелится. Я подумал, что такой расклад можно и нужно использовать в научных целях и смягчил тон:

– Ладно... Потом, может быть... Если будешь послушной и ласковой.

– Буду!

- Тогда отвечай на вопросы! Думай! Вспоминай! Отвечай! Как попала сюда?
 - Как все...
 - Все – это как?
 - Мы жили на Лосиной протоке. Однажды пришли ваши. Всех убили, женщин забрали и привели сюда.
 - Ваши мужчины сражались?
 - Они ушли.
 - Ушли, бросив детей и женщин?!
 - Нет, многих увели с собой. Но не всех.
 - Та-ак, – попытался я осмыслить услышанное. – Давай по порядку.
- Допрос длился довольно долго – даже слушателям надоело, и они почти все разошлись. А я все не унимался – зря, что ли, бегал от кроманьонцев и тонул в реке?!
- Вы всегда жили на Лосиной протоке?
 - Нет, только зима-лето. Раньше жили на Черном озере.
 - Почему ушли?
 - Клан Носорога оказался сильнее нас. Воевать не стали, просто ушли.
 - Ваш вожак знал, что привел своих на землю охоты людей?
 - М-м-м... Наверное. Он мне не говорил.
 - Разумеется. Люди напали на вас внезапно?
 - Н-н-ет, кажется. Все знали, что они идут.
 - И что?
 - Колдовали, просили предков помочь. Надеялись, что враги не дойдут или не найдут нас.
 - Как можно не найти в степи чужое стойбище?!
 - Не знаю...
 - Верю. Почему мужчины не стали сражаться?
 - Тогда все думали, что ваши – это злые демоны. Их нельзя победить обычным оружием. Только колдовством.
- Ясен перец, но мы еще вернемся к этому. Итак, при приближении отряда воинов-людей ваши мужчины во главе с вожаком забрали женщин, детей и подались в степь. Верно? Кого забрали, кого оставили?
- Увели тех, у кого кровь. Детей оставили. Все равно умрут.
 - Логично, – признал я. – А с собой прихватили всех женщин, которые могут рожать и работать?
 - Не всех. Некоторые остались или потом сбежали и вернулись.
 - А-а, не захотели разлучаться с детьми?
 - М-м-м... Э-э-э...
 - Что мычишь и глаза пучишь? Вопрос не ясен?! Ты сказала, что некоторые женщины добровольно остались в стойбище перед нашествием людей. Спрашиваю: почему? Подсказываю: из-за своих детей. Нет?
 - Н-н-е знаю... Зачем нужны дети, если нет мужчин?
 - ?.. Еще раз – помедленнее.
 - Без отца ребенок не нужен, – заявила Тоб-лу. – Еды и так мало.
 - Опа-на! – несколько опешил я. – Значит, если отец погиб, то и ребенка в речку?!
 - У «плохих» женщин это так, – лукаво улыбнулась Тоб-лу. – А «хорошим» не надо.
- Она использовала неандертальские понятия, которые однозначно перевести трудно, если вообще возможно. Пожалуй, самая близкая аналогия – это иерархическое положение. «Плохая» женщина значит старая или увечная, не представляющая интереса для мужчин, а «хорошая» – наоборот. Одним достаются объедки, пинки и бесконечная работа, другим – лучшие куски, секс и безделье.

– Это почему же «хорошим» не надо? – заинтересовался я. – Оставшись с детьми без мужчины можно сразу стать «плохой» и голодной!

– Э-э-э! – покачала головой Тоб-лу и как-то мечтательно улыбнулась. – «Хорошие» – это те, у кого много мужчин. И каждый из них думает, что дети – его. Даже если не он главный.

– Какое коварство! – вздохнул я.

– Почему коварство? – удивилась женщина. – Так у нас, так у вас. Так было всегда. Разве может быть иначе?

– А таг-таги у вас тоже делают при всех? – не удержался я. – И с криками на все стойбище?

Ее взгляд чуть не заставил меня смутиться – похоже, я сморозил незаурядную глупость. Еще чуть-чуть, и она просто станет смеяться надо мной. Ну, не вслух, конечно... Однако, лучшая защита – это нападение:

– Сейчас я оторву тебе уши и заставлю их проглотить. Говори!

– Не злись, «сильный мужчина»! – испугалась кроманьонка. – Я вовсе не хотела тебя обидеть.

– Верю. И так?

– Таг-таги при всех – это хорошо! – заявила Тоб-лу. – Если, конечно, твой мужчина «самый сильный». Или хотя бы просто «сильный». А если никто не видит, то хочется кричать – чтоб все слышали!

– Тонкий расчет?

– Нет, – качнула она головой, – ты не понимаешь: хочется!

– Угу... М-да-а... – озадачился я. – А если мужчина не очень «сильный» или вообще «слабый»? С ним что, вообще никаких таг-таги?!

– Почему же, – пожала плечами женщина. – Можно и с ним. На всякий случай. Вдруг он потом станет «сильным»? Или других не останется... Пускай и этот думает, что дети – его.

– Только...

– Да! – кивнула она. – Только лучше, чтоб никто не видел. А кричать при таг-таги со «слабым» не хочется. И никто никогда не кричит. Тихонько быстренько в кустиках – хи-хи! – и ему хватит!

– Однако... – я припомнил свою не очень короткую жизнь и мне стало так тоскливо, что пришлось сменить тему: – Ладно, мы выяснили, что дети – дело не главное. Так почему же не все ваши женщины захотели уйти из стойбища? Почему согласились быть в неволе у чужаков?

– Прости меня, «сильный мужчина», – потупилась Тоб-лу, – я не понимаю: «не-воля» – это что? А «воля» – это как?

– Кхе... Гм... – растерялся я. Мне и в голову не приходило, что мужское понятие «свобода действий, возможность выбора решений» для первобытной женщины может быть совершенно бессмысленным. – Ладно! Хорошо... У кого-то из ваших был выбор: уйти со своими или отдаться чужакам. Почему они выбрали чужаков? Разве они не испытывали к ним страха и отвращения?

– Испытывали, наверное, – признала женщина. – Но... Как ты не понимаешь?! Страшно, противно, но... Хочется!

– ?

– Хочется, понимаешь? К ним тянет, понимаешь? Они злые, страшные, волосатые! Они сильнее наших мужчин! Они такие... Ну, не знаю, как объяснить, прости меня!

– Прощаю, – печально сказал я и стал печально смотреть в даль. В конце концов, мне удалось собрать мысли в кучку, а волю в кулак. Допрос продолжался:

– Ты сказала, что ваши мужчины просто бежали при приближении отряда наших людей. Они не решились сражаться. Это было давно?

– Да, прошло много зим-лет.

– Когда я шел сюда, ханди напали на меня. Я, конечно, победил их... Но как они посмели?!

– С тех пор многое изменилось, «сильный мужчина»! – не без гордости усмехнулась женщина. – Ханди узнали, что «люди» тоже смертны. Они узнали, что «люди» не любят, когда их протыкают копьями, не любят, когда им разбивают головы палицами. Они от этого умирают.

– Как я понял, стычки теперь бывают часто. Ваши мужчины научились сражаться с людьми? Они защищают свои стойбища?

– М-м-м... – мимикой и жестом Тоб-лу изобразила полную некомпетентность в данном вопросе. Пришлось продолжить самому:

– Мне известно, что ты не ходишь на войну. Я понимаю, что твой хозяин – «слабый» мужчина. Но ты слушаешь рассказы. Говори, что знаешь – я так хочу!

– Э-э... – мучительно заколебалась женщина. Наконец решилась и заговорила: – Нет, мне кажется, что наши и теперь не сражаются с вами. Убегают. Стараются убить кого-нибудь из засады... Нет, наверное, не сражаются. Если только очень много на очень мало... Ваши всегда возвращаются с добычей. При этом редко их становится меньше, чем было.

– Ладно, не будем пока про войну, – махнул я рукой и задал фундаментальный вопрос: – Скажи лучше, женщины ханди здесь рожают детей от людей?

– Конечно.

– И они вырастают, они становятся «хорошими» или «плохими» женщинами, «сильными» или «слабыми» мужчинами, да?

– Ну, кто не умирает в детстве...

– Их как-то иначе называют, как-то обозначают, отделяют от других? – допытывался я.

– Я не понимаю, о чем ты говоришь, «сильный мужчина»...

– Тем не менее на вопрос ты ответила, – удовлетворенно кивнул я. – А скажи... Ты ведь давно здесь... Может быть заметила, обратила внимание... Те, кто родился от человека и женщины-ханди – у них самих дети бывают?

– Нет, – уверенно ответила Тоб-лу. – Никогда.

Глава 6

Друг

– Идут! Они идут! – раздались крики где-то за «околицей».

«Ну, вот и началось!..» – вспомнил я концовку старого анекдота и почувствовал, что не вполне свободен: Гаани, присев на корточки, обхватила руками мою волосатую ногу.

– Чего надо?

– Ты ведь не бросишь меня, правда?

– Отстань!

– Ой, ты будешь драться с ним, Унаг! – Это был вовсе не вопрос, а, скорее, восторженная констатация очевидного факта. – Как здорово! Я так люблю (хочу) тебя, Унаг! Ты самый сильный, самый красивый...

И она принялась тереть пальцами мою мошонку. Я крикнул и втянул ноздрями воздух. Обоняние не обманешь – она действительно вдруг захотела секса со страшной силой!

Поселковые женщины и ханди, бросив дела, стали кучковаться вокруг нас и созерцать данную сцену. Однако это было только полбеды. Неизвестно откуда возникла запыхавшаяся Тогги. Она с разбегу кинулась ко мне, принялась оглаживать мою растительность и бормотать что-то восторженное. Оценив мое состояние и позицию, которую заняла Гаани, она решительно потеснила соперницу, опустилась на колени и, обхватив мои ягодицы, заработала ртом – языком и губами. Я тихо взвыл.

«Да что ж такое-то?! Где тут логика и здравый смысл?! Может, уже через час “законный муж” им хребты ломает! А они тут при всех!.. И ведь не притворяются! Просто офигели!.. У-у-а-а-й!!!»

Зарубок на «амулете» осталось не так уж и много, так что были все основания надеяться, что мне не придется знакомиться с местным лидером. Информации я собрал, кажется, вполне достаточно для всяческих научных построений, причем информации, которую никаким археологам не раскопать. Конечно, я допускал, что охотники могут вернуться до моего убытия, и склонялся к мысли в этом случае просто слинять из поселка. Словом, готов был действовать по принципу: «Если меня убьют, кто отомстит Джавдету?» Увы, все оказалось не так просто...

Все оказалось не так просто потому что... когда говорят инстинкты, разум молчит! Незатейливый первобытный разврат что-то включил в моем подсознании. Я вдруг обнаружил, что хочу остаться, что готов порвать любого, кто усомнится в моем праве на все и всех!

И эта готовность, эта темная ярость незамедлительно сказала на моих сексуальных возможностях. Влив сперму в Тогги, я почти без передышки занялся Гаани, поставив ее «на четыре точки»: – У-у-а-а-й!!!

* * *

Инструкторы настойчиво рекомендовали мне по возможности уклоняться от встречи с доминантом – альфа-самцом. Если же встреча неизбежна, предлагалось несколько схем на выбор – проверенных теорией и практикой. Мне больше всего понравилась самая сложная – притвориться шлангом. Однако не каким-нибудь, а гофрированным! В том смысле, что мол, я тебе не соперник, поскольку на лидерство не претендую, но и помыкать собой не позволю. Тебе полезней и приятней со мной дружить, а не воевать, и так далее. И все эти благие намерения пошли в... В общем, растаяли как дым. Этого самого «альфу» я встречал как «сверх-альфа»: сидя на мамонтовом позвонке посреди стойбища в окружении детей и женщин.

Надо полагать, что кто-то сбегал навстречу отряду и предупредил воинов о творящемся безобразии. В стойбище они входили не походной колонной, а развернувшись «боевым полумесяцем».

– Гаани, Тогги! А ну-ка, расчешите мне волосы! – приказал я, разглядев приближающегося противника. – Эй, малец, поди-ка сюда!

Ребенка я посадил на колени и разрешил ему дергать меня за бороду, чему тот был ужасно рад. Тут же нашлась парочка завистников среди его сверстников, и они устроили возле меня возню.

А я, стараясь не ворочать головой, напряженно всматривался в фигуры приближающихся воинов. Надо было понять, кто есть кто. Ошибка будет стоить жизни – это без вариантов. А материала для таких выводов много – как двигаются, как смотрят, чем украшены и как держат оружие... Объяснять и описывать эти мелочи бесполезно. Чтоб понимать их, нужно здесь родиться. Как я.

«По центру наступают трое серьезных людей – субдоминанты или «бета-самцы». Эти не трусят и не суетятся – больше косятся друг на друга, чем смотрят на противника. Они «принцы», они претенденты на власть. Каждому мешают два конкурента и всем вместе – вожак. В минуту настоящей опасности они, конечно, встанут плечом к плечу и будут биться дружными рядами. Но сейчас опасность ненастоящая – предстоит разборка за лидерство с каким-то пришлым из своих.

На «флангах» пятеро средних или «гамма-самцов». Вроде бы молодые парни. Для них все всерьез – им надо проявить себя, что увеличит шансы перейти в следующую «весовую категорию». На них-то я и сосредоточил внимание, косясь то в одну, то в другую сторону.

«Беты» остановились. Один из них негромко и чуть насмешливо прикрикнул на фланговых:

– Шевелитесь, ублюдки!

И «гаммы» пошли в атаку. В том смысле, что начали приближаться ко мне, поднимая оружие. А я пощекотал пальцем живот пацаненку, и он зашелся от смеха. Женщины перестали перебирать мои волосы и прижались своими крутыми тушками ко мне сзади. «Классика жанра: старый косматый павиан в окружении детенышей и самок. Неужели они решатся? Молодые же...»

Похоже, спектакль я затеял (или само получилось?) не зря. Молодые стали делать ошибки. Вместо того чтобы кинуться на меня со всех сторон, дубинами маша, они начали переглядываться и тесниться друг к другу – вместе, дескать, веселее. Причем, не у меня за спиной, а перед. Когда дистанция сократилась метров до трех, когда нервы были на пределе и уже настала пора действовать, когда...

Вот тогда я и дал им то, чего они хотели – подсознательно, конечно.

– Баган, паскуды! Всех порву! Баган!!!

Собственно говоря, «баган», как и большинство неандертальских понятий, буквально ни на один «сапиенский» язык не переводится. Приблизительно это означает покорность, признание над собой чьей-то власти и готовность подчиниться. На требование этого самого «багана» мужчина должен ответить мимикой и жестами умиротворения (согласия) либо... ударом дубины в лоб.

Мои противники застыли в оцепенении от сомнений. Или засомневались до оцепенения. Это надо было использовать и я, ссадив детвору с колен, начал медленно вставать. При этом левой рукой я придерживался за поясицу, а правой опирался на трофейную палицу.

– Не понял?! – голос мой зарокотал предвестием (лишь предвестием!) всесокрушающей ярости. – Кто тут крутой (самый сильный и смелый)? Ну! Кто?! Ты, детеныш гиены? Баган! Или ты, червяк из тухлятины? Баган! Баган все, я сказал!!!

Один за другим молодые воины опустили на колени, встали на четвереньки...

«Сработало! – я перевел дух и, демонстративно кряхтя, опустился на свою сидушку. – Черт побери, а ведь я же не приотворялся! Потому, наверное, и послушались... Впрочем, не время рефлексировать – надо быть спокойным и упрямым...»

– Ути, мой хороший! – потрепал я грязные кудри какого-то мальчонки (или девчонки?) и подпихнул его в сторону. – Иди погуляй! Дядя Саша сейчас будет делать козью морду всем остальным.

По моей логике атака «субдоминантов» должна последовать немедленно. Иначе... В общем:

– Бабы, прочь! Пять шагов назад!

А вот это было уже зря! Отвлечшись на женщин, скосив глаза в сторону, я чуть не пропустил...

Центровой из «бета» покрыл расстояние тремя прыжками. На излете последнего он нанес удар своей длинной дубинкой – косою сверху. Аж свистнул рассеченный воздух!

Мне ничего не оставалось, как уйти вниз, вжать голову. Я почти успел, но он все-таки чиркнул меня по затылку. Впрочем, этого я почти не заметил – включились инстинкты с рефлексамии, а разум угас.

Нырнув вниз и влево, я махнул наугад правой рукой и зацепил-таки одну из ног противника. Инерция была велика, и он полетел плашмя прямо на шарахнувшихся с визгом зрителей. Мне пришлось сделать кувырок вперед, чтоб обрести вертикальное положение. Оказавшись на ногах, толком не сориентировавшись, я развернулся и прыгнул туда, где должен был быть противник. Он только еще вставал и не был готов принять удар стокилограммового тарана.

Бойцу не повезло: под ударом моей туши он грохнулся на спину – не сгруппировавшись, не успев сделать «самостраховку». А прямо под его затылком из земли торчала горбушка валуна.

Звук удара...

Череп у неандертальцев крепкие, но не до такой же степени.

Пульс можно было не шупать...

А я не ощутил ничего, кроме радости победы, да и то не слишком сильной. Вроде как прихлопнул досаждавшую муху – приятно, конечно, но не плясать же по этому поводу?! Проснувшийся разум подсказывал, что нужно победно взреветь и воздеть кулаки перед публикой. А внутренний голос невнятно шептал: «Не выпендривайся, так будет круче!»

Его-то я и послушался. Поднялся и, не проявляя ни малейшего интереса к свежему трупу, уселся на мамонтовый позвонок в прежней позе. И стал чесать подмышкой. Вся сцена, весь поединок занял, наверное, несколько секунд.

А еще несколько секунд спустя я оказался в прежнем положении, то есть облепленный детьми и женщинами со всех сторон.

– Вот видите, – поучительным тоном сказал я им, стараясь дышать ровно, – что бывает с теми, кто не уважает дядю Сашу... Ну, то есть, дядю Унага.

Я бормотал всякую чушь, мешая неандертальские понятия с русскими словами, а сам смотрел по сторонам и пытался понять, что станут делать два оставшихся «беты». Да и получить по затылку от якобы смирившегося «гаммы» вовсе не хотелось.

«Вдвоем они меня забьют однозначно. Но – вдвоем. Сами, наверное, атаковать не будут. Юка должен их послать, отправить «под танк». Или броситься сам. В конце концов, это его женщин перетрахал чужак. Ну, что будет? Или сбой ритма, рекламная, так сказать, пауза?»

Наконец-то я увидел его – местного доминанта, альфа-самца.

Он шел прямо ко мне – неторопливо, вразвалку.

И мне стало стра... Нет, не страшно, это – другое!

В общем-то, ничего особенного с виду в нем не было – чуть старше среднего возраста, вряд ли тяжелее того «беты», чей труп лежал за моей спиной. Правда, руки, ноги, грудь – нагромождение мышц, почти не скрытых жиром.

Он шел медленно и не смотрел на меня. А вокруг него распространялось нечто незримое, но вполне реальное – какое-то биополе, что ли? Те, кто попадал в него, обмирали, подавались в стороны, но разбежаться не могли и оставались на месте. «Понятно, что это – та самая «волшебная сила», которой я сам только что погасил атаку среднеранговых самцов, но мне-то пришлось для этого реветь, как иерихонской трубе, а этот молчит. И становится еще страшнее...»

И все-таки это был не страх – по крайней мере, у меня. Это...

Юка остановился прямо передо мной и посмотрел в глаза. Широкие ноздри шевелились, втягивая воздух, грудь мерно вздымалась. Он был в гневе, он был в ярости. Она переполняла, она распирала его изнутри.

Глаза в глаза...

Секунда, вторая...

Я прожил в цивилизованном мире больше двадцати лет. При этом, наверное, четверть свободного от сна и еды времени провел в спортзалах. Из единоборств я не занимался разве что капоэйрой. И всегда побеждал, если хотел. А тут...

«Нет, он не будет топтать ногами, бить себя в грудь и скалить клыки, устрашая врага. Он просто не видит перед собой противника, достойного такой демонстрации. Он не собирается драться, он просто сейчас сметет меня, раздавит на месте. У меня лишь пара мгновений, чтобы бросить палицу и встать на четвереньки. Это – ничтожный, но шанс на пощаду...»

Пальцы на рукоятке дубины ослабли, колени начали сгибаться...

Но в последний момент в мозгу щелкнуло какое-то реле. И возник страх. Иррациональный, дикий, всеобъемлющий: «Убьет! Прямо сейчас! Убьет!!!»

Этот страх, этот ужас мгновенно раздулся, заполняя все, и лопнул черной ослепительной вспышкой.

Потеря сознания. Пауза...

Мы стояли друг против друга и тяжело дышали. Наши палицы валялись на земле. «Это, значит, он попытался вывернуть оружие из моих рук, но не удержал и свое. Мы расцепились, разошлись и теперь отдыхаем перед вторым раундом. У него, похоже, разбиты пальцы на правой руке (поэтому и не удержал?) А я плохо вижу...» Провел рукой по лбу – над левым глазом было какое-то месиво. Я сдвинул его в сторону, отер кровь, и зрение сразу наладилось – так-то лучше!

Похоже, способность соображать и даже что-то чувствовать ко мне вернулась. А чувствовал я не боль (при таком-то адреналине!), а этакую радостную легкость – я сделал это! До победы как до неба, но я смог начать бой и не погиб сразу. Наверное, как крыса, загнанная в угол...

«Зато теперь все в порядке, и мы на равных: за ним сила и первобытная ярость, за мной годы тренировок и масса приемов, отработанных до автоматизма. Смешно, но в наших шоу именно мне раньше отводилась роль тупого разъяренного альфа-самца».

Тут я сообразил, что инициативу надо брать в свои руки, и начал двигаться – поднимая кулаки и танцуя-подпрыгивая, как на ринге. Я не пошел прямо на противника, а двинулся по дуге вправо, стараясь отделить его от лежащей на земле палицы. Когда это получилось, пошел на сближение. А он с коротким рыком ринулся в контратаку. Конечно, я ушел в сторону, успев слегка приложить левой по ребрам. Поднять палицу он не смог – я снова был рядом и неуловимо «порхал» на предельной дистанции, доставая прямыми то голову, то корпус.

Ситуация стабилизировалась – яростно рыча, он пытался меня схватить и порвать, а я уклонялся и долбил его кулаками. Только тут до меня, наконец, дошло, что кулачный бой – очень позднее изобретение. Человеческая рука изначально для этого не приспособлена.

Именно поэтому, наверное, нашим далеким предкам пришлось усилить эту руку камнем или палкой. Оставшись без оружия, мой соперник, по сути, беспомощен. Даже если он возьмет захват, даже если переведет меня в партер – уж как-нибудь справлюсь, дело привычное.

Мы крутились, вертелись и прыгали на каменистой площадке среди жилищ. Поединок явно затягивался – оба тяжело дышали, оба взмокли от пота. Пора было его валить, и я соображал, как проще это сделать: «Пах он прикрывает, а голова у него, наверное, непробиваемая, как и у меня. На корпусе такой мышечный корсет, что только кувалдой... Остается – в солнечное сплетение сверху или в подбородок снизу. Как бы это ловчее изобразить?»

Я уже примерился для финального удара, но в последний момент меня тормознуло смутное осознание, что это – не правильно. Пришлось снова увеличить дистанцию: «А мне, собственно, нужна победа? Что я буду с ней делать?» И наша пляска танца продолжалась. Не люблю я работать на износ, но ничего лучше не придумывалось...

Мои внутренние часы, выверенные в сотнях поединков, показывали, что «пляшем» мы уже больше пяти минут, но меньше семи: «Наверное, для тяжеловесов, даже первобытных, это очень много. Пожалуй, еще секунд тридцать – и хватит...»

Мы опять стояли друг против друга – еще более окровавленные (я разбил ему бровь для симметрии) и потные, но уже не такие яростные. Что уж там соображал (если вообще соображал) противник, было не ясно, а я пытался оценить свое состояние. И пришел к выводу, что некоторый резерв по части выносливости у меня еще есть. У него, наверное, тоже, но вряд ли больше. Мы обменялись взглядами, и мне показалось, что в глазах Юка мелькнуло что-то человеческое. Соблазн оказался слишком велик:

– Баган! – хрипло выдохнул я.

– Все мое! – рыкнул «альфа» и ринулся в очередную безнадежную атаку.

«Эта формула означает, что он защищает свою территорию, своих детенышей и самок, – сообразил я. – Аргумент для чужака очень веский, но я-то свой...»

Это выражение Юка слегка прочистило мне мозги. Я вспомнил, что уже который год работаю не в спорте, а в шоу-бизнесе. Моя задача не противника победить, а публику потешить: «Наверное, мое техническое превосходство для зрителей неочевидно – он все время нападает, а я убегаю. Вот и пусть защищает свою честь и имущество до последнего!»

Наше единоборство перешло в следующую стадию – это когда до последнего издыхания. Мы шатались и еле стояли на ногах. Время от времени он вцеплялся в меня и пытался добраться до горла. Я срывал его мощные, но неловкие захваты, отшвыривал противника в сторону, или он валил меня на землю. Тогда мы катались, стараясь задушить или укусить друг друга. При первой же возможности я вырывался и вставал на ноги. Ему приходилось делать то же самое, а я не мешал.

Две минуты... Три... Четыре... Пять... Ну, и здоров же этот мужик! Однако финал все-таки настал.

В очередной раз оказавшись в партере, я поймал его руку на болевой прием – локоть через бедро при плотном захвате корпуса. Мог бы сразу сломать, но стал выламывать медленно. Юка зарычал от боли, забился... Дальше должен был последовать хруст сустава, но я отпустил захват, перекатился в сторону и попытался встать на ноги. Но якобы не смог – рухнул на землю и некоторое время лежал, наблюдая за действиями противника. Тот поднялся с первой попытки, однако к дальнейшему употреблению был явно не годен – толкни, и упадет снова. Тогда встал и я – в два приема. Нападать друг на друга мы уже не пытались – оба «дошли до ручки».

Некоторое время мы стояли друг против друга, покачивались и хрипло дышали.

– Все твое, – с превеликим трудом выдавил я.

– Баган! – едва слышно потребовал Юка и покачнулся, с трудом сохранив равновесие.

«Ладно, – мысленно усмехнулся я и опустил на колени. – Баган так баган, но на четвереньках перед тобой стоять не буду – сам стой!»

Словно услышав мои мысли, могучий альфа-самец качнулся в сторону и попытался встать на колени. Однако в этой позе он не удержался и оказался на четвереньках. Вероятно, связки в его локте были сильно растянуты – рука тут же подогнулась, и Юка со стоном повалился на землю.

Виктория, значит...

* * *

Одной зарубкой на моем «амулете» стало меньше, когда меня призвали к начальству. Юка возлежал на земляном топчане, накрытом шкурами, а вокруг него суетился его гарем, в количестве больше пяти. Гаани и Тогги тоже были тут. Они командовали остальными женщинами – указывали, кому чесать волосы на голове, кому на груди, а кому в паху. Кровь с альфа-самца уже смыли, а пот, наверное, высох сам. При моем появлении вожак изъясил желание сесть, и женщины, дружно навалившись, перевели его в вертикальное положение.

Некоторое время вожак рассматривал меня щелками заплывших от синяков глаз. А потом спросил:

– Ты откуда взялся?

– Из-за Длинной реки, – честно ответил я.

– Зачем (по какому праву, с какой стати)?

– Почему бы и нет? – пожал я плечами. – Я родился здесь. Причем, много раньше тебя.

– Это – мое место! – засопел вожак, явно собираясь снова гневаться. – Тебе нечего здесь делать (ничего не светит)!

– А я и не претендую! – изобразил и я зачатки гнева. – Мне твоего не надо! Я пришел и уйду.

– И приведешь своих, да? – скривил разбитую морду Юка.

– Сюда не приведу, – заверил я. – Здесь есть ты (твоя земля и люди). Юка – великий воин, он слишком силен. Однако ты, наверное, знаешь места, где много добычи, но нет людей. Укажешь их мне?

– Обсудим... – подобрел польщенный вожак. – Кто ты есть (каков твой статус)? Почему ходишь один?

– Объясню, – усмехнулся я. – Охотно объясню. Я хожу всегда. И всегда один. Мне так нравится. Я – друг. Друг «сильных» тхо-Байгги, тхо-Лугхи и, даже, тхо-Виим.

– Тхо-Виим?! – удивился Юка. – Врешь!

Конечно же, я врал – названия «кланов» я придумал только что. Однако отступить было некуда:

– Да, тхо-Виим тоже мои друзья. Ты знаешь, что люди никогда добровольно не покидают обжитых мест. А мне нравится быть в новых местах, я не боюсь демонов чужих земель. Каждый мужчина хочет быть «сильным», а каждый «сильный» – «самым сильным». А я не хочу. Не нравится мне это! Быть «самым сильным» значит заботиться о «слабых», значит, все время держать в страхе просто «сильных». А вдруг сговорятся? А вдруг нападут сзади? Я не прав?

– Прав, конечно, – горестно вздохнул Юка. – Гады они! Ленивые, трусливые сволочи! Только и ждут удобного момента! Ну, ничего, одним меньше стало, а с двумя-то я справлюсь!

– Ты радуешься, что одним добытчиком стало меньше? – искренне удивился я.

– А, – махнул рукой вожак, – какой он добытчик?! Я не мог спокойно дышать, если он оказывался у меня за спиной! Другие, правда, не лучше...

– Вот видишь! А мне нравится дышать спокойно – вот такой я чудак. Однако лебезить и пресмыкаться мне не нравится. Поэтому я не делаю баган, не соглашаюсь подчиняться. Я предлагаю всем дружбу.

– Угу! – усмехнулся Юка и потрогал разбитую бровь. – Всем таким же способом предлагаешь, да?

– Извини, друг! – печально развел я руками. – Мне совсем не хотелось с тобой ссориться. Однако путь мой был долог, мужских сил накопилось много, а твои женщины оказались очень красивы. Я не смог устоять.

– Ну, и делал бы таг-таги с ханди! – буркнул вожак, потирая распухшую руку. – И что за демоны тебе помогают?!

– Разве я похож на лахуза?! – слегка возмущился я, дабы избежать ответа на второй вопрос. – Я и ханди-то увидел здесь впервые, а раньше только слышал о них! Зачем вы их держите?

– Ну, как зачем... О людях заботиться надо.

– В каком смысле?

– И «слабым», и молодым, и лахузам всяким тоже таг-таги хочется, – начал объяснять Юка. – Так что ж, им нормальных баб давать?! Обойдутся! Пусть ханди пользуются!

– А как же... – попытался я задать вопрос, но не смог вспомнить неандертальский аналог слова «справедливость». Впрочем, не факт, что таковой вообще имелся в местном обиходе. Пришлось на ходу сменить тему: – Слушай, а откуда берутся лахузы? Ни у кого их моих друзей их нет!

– Так у вас и ханди нет, – явно смущился вожак, – откуда ж лахузам взяться? Понимаешь, раньше их еще в детстве убивали, а потом оставлять стали.

– Зачем?

– Да я еще не родился, когда это придумали, – Юка как бы оправдывался, и меня это интриговало все сильнее. – Вроде как предки заповедали, воля духов, опять же... Был бы жив старый шаман, он бы тебе прояснил. Сам-то я думаю, что просто людей мало стало. Давно уже. А которые есть, или совсем «слабые», или злые и подлые, как гиены. Никто подчиняться не хочет, так и норовят в глотку вцепиться. Мне, как вожаком стал, уже четверых «сильных» убить пришлось. А ты вот пятого уговорил.

– Да ты и сам, поди, предшественнику башку раскрыл? – дерзко предположил я.

– Не-е, – заулыбался вожак, – я его копьём заколол.

– В спину, небось?

– А что было делать?! – вскинулся Юка. – Взъелся он на меня – не сегодня, так завтра самого бы прикончил. В общем, мало людей и все меньше становится. А вчетвером-пятером, сам понимаешь, ни лошадей загнать на покол, ни на мамонта пойти. Ну, а лахузы на охоте, в общем, не хуже людей орудуют.

– Короче говоря, забрал ты себе всех нормальных баб. И все человеческие дети в поселке – твои!

– Если бы! – вздохнул Юка. – Тогда б вся молодежь была в меня – сильная, умная и послушная. Если бы... Я так понимаю, что «сильные» моих баб втихаря потрахиывают. Вот и рождаются зверята – ты ему подзатыльник, а он зубами вцепиться норовит! С лахузами проще...

На некоторое время вожак погрузился в горестные размышления. Потом он шумно вздохнул и сказал:

– Слушай, друг, а давай поедим!

– Давай, – согласился я и сразу почувствовал свой извечный бездонный голод.

Глава 7 Предатель

Вообще-то, я люблю и умею готовить, но почти никогда этим не занимаюсь. По странному свойству то ли характера, то ли организма, чувство меры у меня отсутствует напрочь, полнотью сытым я не бываю никогда. Поэтому запасать дома продукты для готовки бесполезно – обязательно не удержусь и все сразу съем. Правда, потом могу пару дней обходиться вообще без пищи и никаких особых мук не испытывать. В этой связи, дабы избавить себя любимого от лишних хлопот, я предпочитаю столоваться на стороне – по точкам «общепита». По моим наблюдениям, сегодня никто никакой добычи в лагерь не приносил. Значит, употреблять в пищу придется нечто, добытое до великого похода на ханди. Почему-то эта мысль никакого содрогания у меня не вызвала.

В итоге с вожаком мы расстались вполне мирно. Правда, сгибаться я не мог, так как был набит мясом под завязку – чуть что, и оно полезет из всех дырок. Я бы, конечно, съел что-нибудь еще, но больше мне ничего не предложили. Тем не менее, чувство глубокого морального удовлетворения имело место быть – почти все выяснил! Осталось прояснить пустячок – кто такие лахузы? Кого бы спросить?

Между жилищ мелькнула знакомая фигурка – Тоблу тащила на спине здоровенный кусок мяса вместе со шкурой. Остановливать ее я не стал, а побрел следом. Потом я некоторое время стоял в сторонке и наблюдал мирный быт местного общества. Возле «вигвама» горел костер. Две женщины готовили мясо: нанизав кусок на палку, пытались его обжарить – не в пламени, конечно, а сбоку костра, где были угли. Мясо было, как говорится, не первой свежести, и запахок вокруг стоял еще тот. Чуть в стороне двое тощих лохматых, бородатых мужиков развлекались колкой мелких костей с целью добычи костного мозга. Делали они это довольно вяло и без особой надежды на успех – вероятно, перебирали остатки бывлых трапез в ожидании основного ужина. Свалив свою ношу на землю, Тоб-лу принялась острым камнем отделять части от целого. Мясо было жестким, волокнистым и резалось плохо. Кусок был облеплен присохшей шерстью, травой и землей, но мыть его, конечно, никто не собирался.

– Прекрати! – сказал я, с трудом присаживаясь у костра на корточки. – Говори со мной!

Женщина оставила работу, подняла голову и выжидательно уставилась на меня.

– Будешь смеяться – убью! – предупредил я. – Кто такие лахузы?

– Да вон они!

– Угу...

Пришлось, кряхтя, подниматься и идти к мужикам. Одного я взял за волосы, поднял на ноги и стал рассматривать: «Фенотип явно кроманьонский. Это как же?!»

– Ты кто? – спросил я и отпустил захват.

– Человек... – последовал робкий ответ.

– Врешь! Ты – ханди, я же вижу!

– Я человек! – стоял на своем туземец.

– Почему ты живешь здесь? Почему не уходишь к своим?

– Потому что свои – здесь, мое место – здесь, – заверил туземец.

– А-а, понял! – хлопнул я себя по лбу. – Так и должно быть! Но у ханди ты ты был бы как все, а здесь ты – лахуз.

– Мое место здесь, – покачал головой мужчина. – Чужака никто не примет. Проверено.

Пока мы беседовали, второй – лохматый-бородатый лахуз – сосредоточенно долбил камнем мосол. Его труды увенчались успехом – раздался хруст, за которым последовал радостный возглас:

– Получилось! Есть!

И, после паузы:

– Слышь, ты, новый «сильный» мужчина, не желаешь полакомиться?

– Желаю, – милостиво кивнул я.

– Держи! – он протянул мне расколотую кость. – Только там осколки острые – язык не проколи!

– Да уж как-нибудь... – буркнул я, пытаюсь извлечь мозг. – Вы меня еще учить будете.

Мелкие острые косточки я выкинул прочь. Мозг оказался этакой целенькой неповрежденной колбаской, только она никак не вытаскивалась. Тогда я подошел к костру и стал греть кость в пламени. Когда жидкость забулькала-зашипела, я извлек пальцами похудевшую «колбаску» мозга и отправил в рот. Размазал языком по небу и проглотил – вкусотища! Там еще оставалась жидкость, и я попытался слить ее в рот прямо с кости. Но набралось лишь несколько капель – обидно!

– Вкусно! – сказал я. – Ты хорошо меня угостил. Но без пользы для себя – я скоро уйду. Хочешь, убью твоего врага? Или покалечу?

– Ты уже сделал это, Унаг, – усмехнулся туземец. – Теперь будут убивать тебя.

– Это еще почему?! – слегка растерялся я. – Юка назвал меня другом!

– Угу, – кивнул лахуз, – именно поэтому.

– Ты хочешь сказать, что эти двое... – начал я что-то понимать.

– Рах и Таб зовут их.

– Ты хочешь сказать, что эти Рах и Таб попытаются меня убить?! – додумал я неприятную мысль. – Когда? Как?

– Откуда ж я знаю?! – пожал плечами туземец. – Но странно, что ты еще жив. Я бы на их месте поторопился.

– Не понял?!

– Их соперничество ни для кого не секрет – много зим-лет. И вдруг приходит чужак. Он убивает Ригха и сражается с Юка. А потом становится его первым другом. Но Юка ранен, а чужак – он чужак и есть...

– Надо избавиться, пока не прижился, да?

– Никаких поединков больше не будет, – усмехнулся лахуз. – Просто убьют. Ни тому, ни другому не верь. А лучше – никому.

– Почему ты говоришь мне это, лахуз? – с подозрением прищурился я. – Тебе-то что за дело?

– А вдруг тебя не убьют? – усмехнулся туземец. – Вдруг ты вспомнишь, кто угостил тебя костным мозгом и предупредил о врагах. В любом случае я ничего не теряю.

– Не забывается такое никогда! – буркнул я.

– И что, – лицо лахуза скривилось в улыбке, – действительно вспомнишь?

– Угу.

– Тогда не оборачивайся: у тебя за спиной за покрывкой дома прячется Рах. Он без оружия и, наверное, просто хочет предупредить тебя о том, что Таб подготовил покушение.

– Понял... – прошептал я и попытался начать статическую разминку для мышц. – Ты мне ничего не говорил, а я ничего не слышал.

– Никаких тайн я не выдал, – равнодушно пожал плечами туземец и демонстративно сосредоточился на выборе наиболее перспективного мосла в грудке отбросов.

Честно говоря, все это мне было уже в лом – «план по валу» я выполнил, и нужно было просто дотянуть до переброски. И, тем не менее, двинулся я не направо, где в сотне метров начиналась мамонтовая тундростепь – пустая до горизонта. А пошел я налево, где меня поджидал коварный субдоминант. Вид у меня был, конечно, вполне беззаботный.

– Унаг!

Я не оглянулся и продолжал шествовать прежним курсом. Пришлось ему вылезти на свет Божий и преградить мне дорогу. Точнее, преградить ее он не решился (простенький тест!), а встал на обочине тропы.

– Ну, что тебе?

– Тебя позовут в жилище Лаг-токи. Не ходи. Таб убьет тебя.

– Надо же! – сказал я вполне равнодушно и продолжал величественно шествовать мимо. – Экий мерзавец... А почему не ты?

– Я твой друг, Унаг! Вдвоем мы скрутим Юка в бараний рог! Все будет наше!

– Э-э! – отмахнулся я, поскольку ничего умнее просто не смог придумать.

«Интересно, а почему бы им вдвоем не навалиться на однорукого, по сути, Юка? Справятся же! М-м-м... А потому, что появился чужак, который круче тех и этих. И он, вроде бы, друг вожака...»

– Унаг! Уна-а-аг! Иди ко мне! Иди! – Из темной дыры входа высовывалась голая Тогги и манила меня словом и жестом.

– Это еще зачем?! – остановился я. – Опять таг-таги?

– Ой, ты только об одном и думаешь! – хихикнула женщина. – Зайди, и я все объясню!

– Угу, шас, – сказал я, меняя курс. – Уже захожу.

Вывески на фасаде не было, и я, конечно, не знал, чье это жилище. Но сомневаться в том, что именно там меня собираются убивать, не приходилось. «Простейший расчет: в какой момент удобнее всего проломить гостью череп? Конечно же, на входе! Что бы мне такое оттопырить – новенькое, неожиданное? Внутри, кстати, полутемно, и со света я буду плохо видеть». А еще накатила прозрачная и невесомая как облачко мысль: «Зачем же все это делать?!» Я мысленно дунул на нее: «А хочется!», и она растаяла.

Метрах в двух от входа я остановился, почесался, огляделся по сторонам. Здесь и там на меня пялились туземцы. Однако к их постоянному вниманию я стал уже привыкать. А вот сзади виднелся Рах. Теперь он уже был с копьём(!) в руке. Поняв, что я его заметил, он стал делать предостерегающие жесты свободной рукой. Однако я мысленно послал его куда подальше, глубоко вдохнул и выдохнул воздух. А потом...

А потом с двух разгонных шагов рыбкой нырнул в дыру входа. Внутри благополучно сделал кувырок (места хватило!) и вскочил на ноги. Возле светлого пятна входа обрисовалась невнятная фигура с палицей в руках. И эта фигура, очухавшись после промаха, сразу же поперла на меня. И разум мой немедленно соскочил с резьбы: «На меня?!»

Никакого бокса или карате-до я изображать не стал. Просто бил. Руками и ногами. Кроманьонец такого же веса и комплекции давно бы превратился в мешок с костями, а этот бета-самец держался! Даже атаковать поначалу пытался! Он держался больше тридцати секунд. Но меньше сорока...

А я бил. Пока не устал. Тогда остановился, стал дышать и осматриваться.

По ходу дела мы выбили несколько опор, и крыша, она же стены жилища, скособочилась, но не рухнула. От входа осталась узкая щель над самой землей, зато дыра дымохода вверху стала гораздо больше. Оказалось, что я стою в холодной золе очага, которым, вероятно, давно не пользовались.

– Тогги!

А в ответ тишина.

– Тогги!

– Я здесь... – и всхлипы.

– Иди сюда!

Она подошла – сгорбленная, плачущая.левой рукой я схватил ее за шею и пригнул к земле, а правой стал черпать золу из-под ног и мазать ей лицо, волосы, плечи. Потом отпустил захват:

– Иди! Вылезай наружу!

Она исполнила приказание. Раздвинуть жесткие задубелые шкуры она не смогла. Пришлось лечь на живот и ползти. А я смотрел.

Она выползла уже почти по пояс, когда это случилось. Тихий, ни с чем не сравнимый хрустящий звук. Короткий стон. Ее ноги судорожно задержались. И все затихло. Что и требовалось доказать...

Я охотно сделал бы на этом «рекламную паузу», но ритм событий сбивать было нельзя. Пока он есть, этот ритм.

Ухватив край шкуры, я рванул ее вниз, пнул ногой опору и выпрыгнул наружу. И успел застать «немую сцену», когда Рах стоял и пытался понять, кого же он пришил к земле своим тяжелым копьём? Кажется, это не соперник Таб и не пришелец по имени Унаг. А кто?

Он выдернул копьё, перевернул труп на спину.

Смушение, недоумение, оторопь...

Редкая толпа зрителей возникла как бы сама собой. Все эти люди были рядом и исподтишка наблюдали за развитием событий. А теперь проявились и приблизились – всем было интересно, чем кончилась очередная разборка между сильными мира сего. А перемазанная пеплом Тогги смотрела в хмурое небо широко раскрытыми глазами...

И вдруг топот босых ног. Мужчина подбежал, оттолкнув кого-то с дороги, и замер как вкопанный возле трупа. Это был лахуз – тощий, длинный и лохматый. Возможно, тот самый, которого я поднимал за волосы для беседы.

С хриплым стоном он упал на колени, дрожащей рукой стал трогать ее испачканные волосы и лицо. Наверное, оно казалось ему бесконечно прекрасным... Потом он скрючился в приступе то ли кашля, то ли рыданий. Однако продолжалось это недолго:

– Вот теперь можешь взять ее, Гурка, – раздался чуть насмешливый голос. – Теперь она – твоя!

От неожиданности, от цинизма услышанной фразы даже я содрогнулся: «Кажется, это Рах уже пришел в себя. Он чувствует себя виновным и пытается самоутвердиться».

Гурка, стоя на коленях, распрямился и уставился на убийцу. Секунда, другая...

Опять расслабился, согнулся, погладил ладонями грудь и лицо Тогги.

И вдруг...

– И-И-А-Р-Р-А!!!

С хриплым надрывным криком Гурка вскочил и кинулся на Раха. Тот отбросил копьё и встретил противника голыми руками.

Рык, хрип, хруст...

И все кончилось – тело лахуза рухнуло на землю, дернулось несколько раз и затихло. Надо полагать, навсегда.

Несколько секунд Рах стоял и смотрел на дело рук своих. А потом начал медленно сгибаться, держась за живот. Опять распрямился...

И все увидели, что из его живота чуть ниже ребер что-то торчит.

С коротким стоном Рах – субдоминант и бета-самец – выдернул костяной стилет и бросил на землю. Зажав рану руками, согнувшись, он повернулся и попытался куда-то идти. Однако, сделав несколько шагов, остановился, опустил на колени, а потом медленно завалился на бок. Он не упал, а как бы прилег, свернувшись калачиком, подтянув колени к подбородку.

«Проникающее ранение брюшной полости, – механически констатировал я. – В здешних условиях с жизнью не совместимо. Если повезет, умрет быстро, но это вряд ли...»

Кто-то взял меня за запястье – этак не плотно, не навязчиво.

– Пойдем, Унаг! Ничего интересного здесь больше не будет.

Рядом стоял тот самый лахуз, который предупредил меня о покушении.

– Меня зовут Вуква. Жилище Таба гораздо лучше, чем Раха. Пошли!

– Зачем?

– Примешь хозяйство, вожак, – усмехнулся охотник. – Пока не растащили. Потом будет не собрать.

– Я не вожак...

– А я – не слепой. Пошли!

Я пощупал «амулет» – осталось три зарубки. И пошел за ним.

Глава 8

ОХОТНИК

Вуква шел чуть впереди, держа меня за руку. Думая о своем, я чуть не оказался застигнутым врасплох дальнейшими событиями. Выбраться из толпы было нетрудно, поскольку она была довольно жиденькой – не так уж много народа в стойбище. Однако лахуз в компании со мной предпочел двигаться по прямой. На пути оказался молодой неандерталец. Разминуться ничего не стоило, но Вуква попер прямо на него, толкнул в грудь свободной рукой и заорал:

– Прочь, детеныш шакала!! Молча, но с некоторым недоумением, неандерталец посторонился.

Жилище, куда Вуква меня привел, мало чем отличалось от остальных, в которых я успел побывать. Разве что, было чуть просторнее. Кроме того, как я разглядел, возле одной из стен были свалены куски мяса. Над ними гудели мухи. Я высмотрел хозяйский топчан и повалился на него – уф-ф-ф!

– Есть будешь? – спросил Вуква. – Могу пожарить или сварить.

– Жри сам, – буркнул я. – В меня больше не лезет.

– Ты очень добр, вожак!

– Заткнись!

Некоторое время я слушал его урчание и чавканье. Наконец эти малоаппетитные звуки стихли. Мой новый друг громко рыгнул, а потом шумно испустил газы.

– Ты очень добр, Унаг.

– И что?

– Мы захватили много женщин-ханди...

– Намекаешь? Ладно. Выберешь себе тех, кто понравится. Только не жадничай!

Лахуз кинулся к выходу.

– Стоять!! Меня слушать! – тормознул я его в последний момент. – Убивать людей – люблю! – могу только я... и Юка, понял? Если что, оторву руки и ноги, понял?

– Я все понял, Унаг!

– Да, вот еще что... Этот Гурка и Тогги – что между ними было? Чего он взбрыкнул?

– Хи-хи, да ничего не было!

– Убью, сволочь!

– Не злись, Унаг! У них действительно даже таг-таги не было.

– Щас я встану, и кому-то мало не покажется, – изобразил я предвестие гнева. – Говори!

– Ну, понимаешь, он долго ходил за ней, – неохотно начал объяснять Вуква. – Наверное, три зима-лето ходил. Но она его не хотела, только смеялась над ним.

– Ей что, жалко было таг-таги с ним сделать?! – слегка возмутился я. – Человек же мучился!

– Наверное, для нее он был не человек, а лахуз, – пожал плечами туземец. – В общем, весь поселок веселился, глядя, как она над ним издевается. Жалко, что развлечение кончилось.

Я матерно выругался по-русски. Вуква вслушался в незнакомые звуки и решил, что понял их:

– А-а, позвать твоих баб, да?

– Обойдусь! – буркнул я. – Лучше найди и приведи ко мне этого... колченогого. Как его, Арю, что ли?

* * *

– Я рад, что ты не забыл обо мне, Унаг! – раболепно проговорил колдун.

– Радуйся, радуйся, – проворчал я. – Вон, мяса поешь.

Неандерталец немедленно воспользовался приглашением, однако мне быстро надоело слушать его урчание и чавканье:

– Да что вы тут, всегда голодные, что ли?!

– Почему же? – с набитым ртом проговорил Арю. – Сейчас хорошая охота и люди едят почти каждый день.

– Надо же, как интересно, – усмехнулся я, – почти каждый... А как вы тут питаетесь, когда охота не хорошая, а нормальная?

– Нормальная? – слегка озадачился туземец. – Наверное, это когда новое мясо появляется раньше, чем люди начнут терять силы, да? Одна рука дней, две руки дней...

– Понятно, – вздохнул я. – «Так оно и было в моем детстве. Есть хотелось всегда, за исключением коротких эпизодов убойного обжорства. И ничего, жили, считали это нормой. Питаться три раза в день, а не в месяц, наверное, стали только при переходе к производящему хозяйству».

– Ладно. Растолкуй мне, как вы тут живете. Юка злой, он всех обижает?

– Почему же всех?! – слегка оскорбился Арю. – Он хороший вождь! Он дает еду людям, заступает за нас.

– Заступается... перед кем?

– Перед «сильными», конечно. Детей любит. И они его.

– Ага, «сильные», значит, простых людей обижают, да? – догадался я.

– Случается, – вздохнул колдун.

– Ладно, объясни хоть ты мне, наконец, откуда берутся лахузы?

– Рождаются у женщин-ханди, откуда же еще?! – удивился туземец моей бестолковости. – Ну, когда ей в чрево вселяется дух какого-нибудь сородича, наружу выходит не человек, а лахуз. Их давно уже не убивают.

– Это как это «вселяется»?!

– Обыкновенно... – пожал плечами Арю.

– Они что, общаются с живыми мужчинами-ханди?

– Нет, конечно, таг-таги они делают только с людьми, но иногда получается лахуз.

– А-а! – наконец-то сообразил я. – «Да, так бывает. Говорят, что от волка у собаки могут оказаться в одном помете и волчата, и собачата – по экстерьеру и поведению. Вот и рождаются «кроманьонцы» от неандертальских отцов. А потом ученые будут ломать головы над их костями...»

* * *

Снаружи возникла некая суэта, слышались возбужденные голоса. Повинуясь моему жесту, Арю выбрался наружу и вскоре вернулся с докладом. Это пришли воины-охотники, которые гнали полон – захваченных женщин – пока все остальные умчались в поселок, чтобы поскорее разобраться со мной. По дороге они видели на том берегу небольшое стадо бизонов, которое явно направлялось к ближайшей переправе. Говорят, Юка не колебался: будем бить! А то с этой войной уже все мясо подъели!

Были сборы недолги... Копьем меня обеспечили незамедлительно. Очевидно, это было наследство кого-то из убиенных мной субдоминантов. Порядок построения в походную колонну был вполне логичен: впереди незнакомый охотник из «средних», меня поставили вто-

рым, потом еще двое «средних» и только потом вожак и все остальные. И – вперед спортивным шагом.

Данное мероприятие мне было совершенно ни к чему – на «амулете» осталось только две зарубки. Интересно, конечно, посмотреть, как охотятся неандертальцы – в детстве наблюдать подобное действие мне не довелось. Однако, что можно увидеть за два часа с хвостиком? Скорее всего, мы проведем это время в дороге или просидим в засаде. Только моим желанием никто не поинтересовался, а сам я в скоротечной суете сборов не нашел повода отказаться. Так что пришлось вооружиться тяжеленным копьем и топтать вместе со всеми. Надо сказать, что в неандертальском хозяйстве имелись копья и поменьше, явно предназначенные для метания в цель, а также некоторое подобие метательных крюков. Однако эти приспособления никто сейчас не взял. Вероятно, охота предстояла «контактная».

Так и оказалось. Я старался не высовываться и делать «как все». Примерно с километр мы просто шли вдоль берега. Потом передовой усмотрел потенциальную добычу, и мы стали передвигаться с претензией на скрытность. Впрочем, низкие прибрежные кусты ольхи вряд ли хорошо нас прикрывали. А близ кромки противоположного берега параллельным курсом двигались бизоны. Скорее всего, это были самки и молодняк.

Мы обогнали их и добрались до широкого илистого пляжа, сплошь истоптанного копытами. Последовала команда распределиться по окрестным кустам, залечь и не двигаться.

Лично мне, конечно, приказа никто не отдал, но пришлось последовать общему примеру. А лежать на мокрой холодной земле оказалось чрезвычайно неприятно. И, к тому же, комары! Не какие-нибудь комарики, а этакие палеолитические монстры – большие, мускулистые и крепкие. Ударом лошадиного хвоста такого, пожалуй, не убьешь! А время как будто остановилось...

В конце концов, на том берегу чуть выше по течению вновь показались бизоны. Они спустились к воде (наверное, здесь был единственный удобный спуск на всю округу), попили, а потом друг за другом стали входить в воду и плыть к противоположному берегу. Их, конечно, сносило, но было похоже, что в итоге они окажутся на нашем пляже.

«Тут-то мы и будем с ними бодаться!» – подумал я. И ошибся.

Когда передовая корова уже встала копытами на дно – совсем близко от берега – Юка громко подал команду. Все охотники довольно дружно выскочили на открытое место и принялись, как безумные, орать, прыгать и махать копьями. Я тоже орал и прыгал...

Бизониха застыла в недоумении, ее бычок плавал рядом, не доставая дна. Строй плывущих сломался – животные были в растерянности. Наконец передовая мамаша приняла решение и повернула обратно в воду. Остальные за ней – наискосок вниз по течению. Как только новый маршрут стада определился, наши крики стихли и прозвучала новая команда. Все стремглав куда-то побежали через кусты. Я быстро потерял ориентировку, поскольку в основном смотрел под ноги, уворачивался от веток и старался не отстать от бегущего впереди. Вправо, прямо, налево, короткая прямая дистанция по мелкой воде, опять кусты, поворот, еще поворот... и мы на месте!

Оказалось, что тут животные тоже могут выбраться на берег, только без всякого комфорта – среди кустов у воды небольшие проплешины. А растут эти кусты на полуметровом глинистом (скользком, надо полагать?) уступчике.

Наш строй рассыпался – охотники полезли в кусты, стремясь занять наиболее удобные позиции. А бизоны уже начали десантирование. Сквозь ветки я видел, как одна из мамаш выбралась на сушу, отряхнулась и неторопливо двинулась прямо через заросли. Небольшой теленок с третьего раза одолел препятствие, устремился было за матерью и... свалился на землю под ударом копья. А бизониха продолжала ломиться через кусты и даже не оглянулась. Забой начался...

Я вдруг оказался не у дел – на истоптанной проплешине шириной, наверное, метров пять и такой же глубины от берега. Вокруг плеск воды, сопение коров, призывное меканье телят. А прямо передо мной из воды пытается вылезти здоровенная – бурая с проседью – бизониха. Стараясь освободить ей дорогу, я ринулся в ближайшие кусты и... застрял.

Она стояла и сопела – то ли осматривалась, то ли принюхивалась. С ее «шубы» ручьями стекала мутная вода. Теленка рядом не было, наверное, его снесло ниже течением. Вот, кажется, она заинтересовалась копошением буквально у себя под носом. Я замер – в отчаянной надежде, что, может быть, как-нибудь обойдется.

Бизониха чуть наклонила голову в мою сторону, но ничего, кажется, интересного не обнаружила. Опять подняла голову... И в этот момент где-то у меня за спиной – совсем близко – раздался крик.

Собственно говоря, я ведь был местным и прекрасно понимал, что охотники на крупную дичь крайне редко атакуют взрослых здоровых животных. Ну, если только зверь окажется в совсем уж беспомощном положении. Всегда бьют молодняк – это не спорт, а добывание пищи. В данном случае кричал (иначе не скажешь!) смертельно раненый теленок.

У нормального городского обывателя, наверное, душа бы вывернулась от жалости и сострадания. А у меня в мозгах ослепительно вспыхнул сигнал: «Все! Кранты!» И я ломанулся из своей ловушки, даже не пытаясь подхватить бесполезное сейчас копье.

В последний момент зацепился-таки ногой за ветку, упал, вскочил, кинулся туда, где, казалось, кусты были не такими густыми. Прежде, чем опять нырнуть в чашу, оглянулся и...

И понял, что не успел.

Не знаю, как уж она сумела разогнаться на столь малой дистанции – не козочка все-таки...

Стремительно двигаясь вперед, она сделала мощное движение головой – от самой земли вверх. Поддела меня и бросила!

Все, что я сумел сделать, это повернуться чуть боком, ухватиться рукой... Черт его знает, что уж я там сделал, лишь бы кривой рог не вошел мне в живот!

Короткое «мгновение полета». Я рухнул на землю, ломая какие-то ветки. Увидел рядом с собой прикрытое свисающей шерстью копыто, перекатился, вскочил...

И опять!.. Только не рог! А-А-А!!!

...Было совершенно не ясно, жив я или мертв. То, что видели мои глаза, никак с реальностью не соотносилось. Но я что-то видел, значит... Значит, скорее первое, чем второе! Сознание возвращалось как-то рывками. Сначала я понял, почему ничего не чувствую – а потому, что нахожусь в болевом шоке (это, в общем-то, знакомо). Потом осознал, что дышать – хочешь не хочешь – все-таки нужно. И, наконец, сообразил, что за безобразие я созерцаю – это нижняя часть мощного куста ольхи. Тело же мое застряло наискосок головой вниз где-то между небом и землей.

Все эти открытия меня не обрадовали. Казалось более чем вероятным, что это лишь предсмертное прояснение сознания и сейчас начнется агония. «Наверное, сквозь меня торчит обломанный сук. Может быть, и не один. Скорей бы уж...»

Агония, однако, все не наступала, зато вернулся слух. Вокруг было шумно: треск ломаемых веток, топот, рык и меканье животных, крики людей. Охотники, однако, орал явным не от страха – скорее всего, они пугали несчастных бизонов, сеяли панику.

Тысячу лет спустя все стихло. А еще через столетие где-то рядом слышались голоса:

– Унаг, что ли?

– Он самый!

– Эк его раскорячило!

– Да уж! Сильнее «сильных» захотел быть. И вот результат.

– А-а, он просто дурак! На «старуху» попер. Это ж каким местом надо было думать?!

– А может, у них – за Длинной рекой – просто думать не умеют? Ладно, Юка звать будем?
– Зови!

После недолгой паузы я узнал голос вожака:

– Хорошо висит, однако... Живой?

– А кто его знает. Вроде дышит. Добить?

– Э-э... Ну-у... – похоже, Юка мучительно размышлял над сложной проблемой. Наконец он принял решение: – Снимите его. А там посмотрим.

Вот теперь мне стало по-настоящему больно! С почти мертвым телом «спасатели» не церемонились. Даже мелькнула мысль, что они между делом доломают мне все, что еще не сломано, оторвут все, что еще не оторвано.

В конце концов мое несчастное тело свалили (а не положили, гады!) в полужидкую растоптанную глину и на некоторое время оставили в покое – наверное, занялись разделкой добычи. По счастливой случайности под головой оказался какой-то бугор, и я мог что-то видеть, кроме низкого хмурого неба.

Ни двигаться, ни думать не хотелось со страшной силой. Однако инстинкт самосохранения дал себя знать: «Сейчас они вернуться, поставят диагноз и все будет кончено. Вряд ли мой полутруп кто-то захочет тащить в поселок, а оставить умирать одного, наверное, неприлично».

Голова шевелилась – я смог даже немного приподнять ее. И начать обследование. Прежде всего, у меня сложилось впечатление, что проникающих ранений грудной клетки или брюшной полости не имеется – ни на какой сук я не насадился. «Уже хорошо. А конечности... Вроде двигаются! И кости из них не торчат, значит, открытых переломов нет. Голени, бедра, предплечья и плечи вроде бы обычной формы – никаких ненормальных изгибов не наблюдается. Может, у меня и закрытых переломов нет?! Однако... А вот шкура порвана неслабо, кое-где прямо с мясом. Это, конечно, мелочи... Наверное, здесь и там у меня растянуты связки и вывихнуты суставы. И сильнейшие ушибы. Впрочем, это не ушибы, это раздавлены мышцы и прочие ткани: ну, когда рука или нога идет на излом, кость не ломается, а мякоть – всмятку. Ох-хо-хо... Впрочем, от всего этого не умирают... если друзья не помогут».

Я попытался сесть, опираясь руками о землю. Со второй попытки это почти получилось, однако я услышал, что ко мне идут, и вновь плюхнулся на спину.

– Да, – печально сказал Юка, – похоже, уже не встанет. «Сильный», вроде бы, человек, а подставился как мальчишка.

– Да ладно! – раздался незнакомый голос. – Говорят, он все равно собирался уходить к себе. Вот и ушел.

– Пусть легким будет твой путь, Унаг – человек из-за Длинной реки! – чуть насмешливо вступил кто-то третий. – Ни к чему тебе лишние муки!

– Стой! – рыкнул вожак. – Я сам – он же был моим другом!

– Успел? Шустрый, однако! Ну, давай...

– Не-ет!! – крикнул я. Или мне только показалось, что крикнул. Во всяком случае, звук какой-то издал и голову повернул.

Надо мной склонились лохматые-бородатые лица:

– Что «нет», Унаг?

– Не трогайте меня! – прохрипел я. – Уходите!

– Неужели ты хочешь долго страдать? – искренне удивился Юкка. – Хочешь дожидаться, чтоб тебя живьем клевали вороны и грызли всякие хорьки?

– Нет. Я сам.

– Сам?!

– Да. У нас «сильные» уходят сами.

– Я хотел помочь тебе...

– Помочь? – я лихорадочно пытался хоть что-то придумать. – Ладно, помоги: оставь мне онаг. И уходи.

Как это ни странно, просьба «умирающего» была выполнена. Они вложили мне в руку стилет из расщепленного бивня и ушли. Некоторое время слышались недалекие голоса – очевидно, охотники распределяли груз для переноски, а потом все стихло. Прощаться со мной больше никто не пришел.

Совсем недавно – в другом мире – я не переставал удивляться: 24 часа в прошлом на все про все?! Ну ладно, туристы – им адреналин нужен! Но ученые-то должны понимать, что за это время в мире прошлого ничего толком выяснить нельзя! Тем более, если речь идет не о материальной культуре, а об отношениях между людьми! Нужны месяцы, если не годы, чтобы вжиться, стать своим и начать что-то понимать. И вот теперь я лежал и проклинал эти огромные, эти бесконечные 24 часа.

Верхушки кустов гнул извечный степной ветер. А здесь – на земле – было тихо. И комары. Наверное, они натренировались на местной мегафауне – мамонтах и носорогах. От каждого укуса чуть ли не искры из глаз сыпались. Сдуть их или обмахиваться веточкой было бесполезно. Эти твари не погибали даже от удара ладонью – каждого надо было давить индивидуально.

Кроме того, по мне начали ползать муравьи – большие и черные: «Вроде бы их не должно быть в сырой низкой пойме? Впрочем, черт их знает, этих муравьев...» Они, вроде бы, не кусались, но упорно лезли во все отверстия и щели моего тела, они копошились в открытых ранах – очень приятно!

Потом прилетело несколько насекомых, похожих на оводов или слепней. Только размером они были чуть меньше воробья. Наверное, эти твари не сочли меня достойной добычей и вскоре улетели. А я понял, что долго не выдержу – впору пускать в дело стилет! На мне даже набедренной повязки нет!

На «амулете» осталась одна зарубка. Я давил на нее пальцем, я скреб ее ногтем, но она никуда не девалась! «Да что ж такое?! Ну, не может же такого быть – ведь целая вечность прошла! Часы сломались?! Господи, ну за что ж мне такое?..»

Кажется, я был уже на грани истерики. Титаническим усилием мне удалось-таки собрать в кулак остатки воли – я сел. Подтянул колени и ощупал голени и бедра. Понял, что кости целы, и решил встать – чего бы это ни стоило. Встать и выбраться на открытое место. Иначе оставшегося времени мне как раз хватит, чтобы сойти с ума.

Никаких подходящих палок поблизости не было, зато рядом лежало копье. Вероятно, «друзья» позаботились об умирающем – отыскали и принесли. И на том спасибо...

Претерпев, казалось, все муки ада, я встал на ноги, опираясь на древко. А потом сделал шаг. И еще шаг. И еще... Ноги плохонько, но держали, связки работали. «Кошмар, конечно, но не КОШМА-АР! – вспомнил я, скрипя зубами, концовку старого анекдота. – Это мне комары помогают – создают «эффект торможения». Когда в одном месте больно, то плохо, а когда во всех сразу, то вроде бы и ничего... А эти мои неандертальцы – они же охотники по жизни. В анатомиях, наверное, разбираются лучше любых хирургов. Неужели не смогли отличить смертельно раненого от просто ушибленного? Или не захотели, сволочи? Впрочем, этого я уже никогда не узнаю».

Онаг – костяной стилет – девать было некуда, а выбрасывать жалко. Недолго думая, я просунул его острием вверх возле виска под ремешок, удерживающий камеры на моем лбу. Своей целью я наметил пологий трехметровый уступ террасы. Там, казалось, кустов было меньше и, наверное, можно было отсидеться на ветерке.

В конце концов, все тернии (в буквальном смысле) остались позади, и я испытал почти райское блаженство. Как будто из ада вырвался! «Как говорят в новостях по радио, ветер 8-10 метров в секунду, порывами до 15-и. Наверное, не замерзну... А это еще кто?!»

Отсюда, если полностью разогнуться, был виден довольно большой участок степи. И по этой степи со стороны ближайшего холма стремительно приближалась вереница людей, вооруженных копьями. Глядя на их аллур, ошибиться было трудно: «Кроманьонцы! Опять! – в голос застонал я. – Бли-ин! Их больше десяти... На закуску, так сказать. Так сказать, чтобы круг замкнулся. Надо ж было столько мучиться, чтобы... Ну, куда, куда деваться в этом малонаселенном мире?!»

А выбор был невелик, если вообще был: добежать (!?) до реки и уплыть (куда?!), или затаиться – авось не заметят! С учетом густоты зарослей в пойме, последняя идея была вовсе не плоха. Однако, если сопоставить наши скорости передвижения, тоже никуда не годилась. Нетрудно было догадаться, что, скорее всего, кроманьонские воины-охотники издали следили за нашими, не решаясь, конечно, приблизиться. Они дождались окончания охоты и выдержали паузу, чтобы груженные мясом неандертальцы отошли подальше. Теперь они кинулись к месту бойни, чтобы поживиться остатками добычи. Беда в том, что это место довольно обширно, и я нахожусь, по сути, в его пределах. Они же тут все обшарят! А отойти подальше я не успею – они вот-вот будут здесь...

Так и так получалось, что прятаться надо где-то рядом. В основании склона террасы, по которому я с такими муками поднимался, когда-то рос одинокий могучий куст (или многоствольное дерево?) ольхи. Потом его выворотило – то ли ветром, то ли снегом. Теперь куст лежал на боку, а возле его корней образовалась неглубокая ямка. Вокруг нее пространство оказалось почти открытым, но выбора у меня не было...

Мысль о том, чтобы свернуться калачиком и покорно ждать своей участи, показалось мне совершенно неприемлемой. Несмотря ни на что, я попытался устроиться в наименее болезненной позе так, чтобы хоть что-то видеть. «Чтобы встретить смерть лицом к лицу», – мысленно прокомментировал я собственные потуги.

Кроманьонцы сбежали вниз и начали шнырять по кустам в поисках добычи. Неандертальцы, естественно, забрали наиболее мясистые и удобные для переноски части туш. Наверное, больше половины мяса осталось на месте.

Прямо напротив меня – метрах в тридцати – двое молодых кроманьонцев ловко расчленили остатки туши – выворачивали ребра, рубили связки. Время от времени они прерывали свое занятие и осматривались по сторонам. «Как воры, – мысленно усмехнулся я и попытался принять более удобную позу. – Сами всех боятся!»

Эта насмешка обошлась мне дорого...

– Ани каа! – закричал вдруг один из парней, показывая рукой в мою сторону. – Тарут а тьяги каа!!

«Все! Влип! – мелькнула паническая мысль. – Оружие! Ну, хоть какое-нибудь оружие! Чтоб умереть по-человечески...» Ни камней, ни палок рядом не было, а копьё я оставил наверху, когда сползал в эту рытвину – вон оно лежит. Ничего уже толком не соображая, я ринулся, кинулся, прыгнул к нему.

Ага, «прыгнул»... Да еще и «ринулся»... Это если только душой, а тело на резкое движение ответило такой вспышкой боли, что свет померк, а координата исчезла. Надо полагать, я вывалился из ямы и скатился на пару метров по склону вниз. Тут же, как мне показалось, встал на четвереньки, упал, снова поднялся и... И услышал странные звуки.

Вокруг меня стояли кроманьонские охотники.

Они смеялись.

Им было весело. Один подошел и пихнул меня древком копья в бок. Жертва вновь упала, а зрители разразились взрывом хохота и криков.

Я осознал ситуацию не сразу – слишком дикой она оказалась. А когда осознал... Наверное, в кровь мою разом поступила лошадиная доза адреналина. Так или иначе, но я вдруг

перестал чувствовать боль. Я вообще перестал что-либо чувствовать, кроме ярости – всеобъемлющей, душной, багровой. И встал на ноги.

Постоял, посмотрел на них, а потом заорал по-русски:

– Что вылупились?! Довольны, суки?! Толпой на одного, ссыкуны?!

Я перевел дух и провел рукой по лицу, чтоб отереть слезы и слюни. Ладонь наткнулась на что-то твердое возле уха: «Онаг! Блин, да ведь он же, наверное, меня и выдал – торчал над головой! Ну, теперь все!»

С кинжалом в руке я почувствовал себя гораздо лучше – если что, зарежусь! Торопливо осмотрел публику, пытаюсь понять, кто тут есть кто. Лидера определить не смог, но двух-трех «сильных», кажется, угадал. Один из них и стал моей мишенью. Я уже не орал, а говорил – насмешливо и громко:

– Вас много, а я один. И все равно вы ссыте от страха! А один на один слабо? Вот ты, пидор несчастный, слабо? Я к тебе, к тебе обращаюсь, слабо?

К словам я добавил мимику и жесты – весь известный мне как профессионалу международный арсенал унижений и оскорблений противника. Не понять смысл этого было трудно. Теперь уже смеялись, кажется, и над ним тоже. А я показывал оружие и манил жестами: «Иди, иди сюда! Докажи всем, что ты не пидор!»

Грязное загорелое лицо охотника побурело от прилива крови. И он пошел. В руке его оказалось заточка, подобная моей, только чуть длиннее и тоньше.

Бегать-прыгать-перемещаться я не мог. Просто стоял и ждал его в наступившей тишине. «Он выше ростом. И руки у него длиннее. А реакция, наверно, не хуже...»

На подступах противник задержался, но я помог ему:

– Что, обоссался, урод? Ну, давай, бей! – я поднял разведенные руки на уровень глаз, как бы подставляя под удар грудь и живот. Скорчил издевательскую гримасу и вывалил язык: – Ме-э-э!

Держа оружие прямым хватом, он сделал выпад. А я ударил левой в лицо.

Удар получился несильным, но кроманьонцу этого хватило – его повело назад. Пытаясь устоять на ногах, он сделал шаг, другой, споткнулся, упал на спину, но тут же вскочил. Из разбитого носа хлынула кровь. Только он этого не заметил и снова бросился на врага.

А я расстался с оружием и бросился на него. Стараясь левой рукой отвести стилет в сторону, я целился правой в корпус.

Вот теперь удар получился – его ребра аж хрустнули!

Остаться на ногах я даже не пытался. Мы оба полетели на землю.

Удар. Вспышка. Тьма.

И снова свет – какой-то ненормальный. В безнадежном отчаянии последней битвы я зарычал, глуша боль, и резко перевернулся на спину. Начал было вставать, но опорная рука проскользнула на чем-то гладком. Рядом мелькнули белесые призраки, и конечности мои потеряли свободу. Несколько раз я дернулся всем телом, но это не помогло – руки и ноги словно в бетон замуровали. Свет снова исчез, а воздух стал холодным и терпким. Мне вдруг расхотелось бороться дальше. Все и так хорошо – умирать ведь все равно надо. А я неплохо пожил, моя совесть чиста, чиста, чиста...

Глава 9

Информатор

Девушка в приталенном белом халате появилась в палате минуты через две-три после моего пробуждения. За мной, конечно, следили и выдержали паузу – примерно столько времени и нужно человеку, проснувшись в незнакомом месте, чтобы осмотреться и придумать вопросы.

– Доброе утро, Александр Иванович! Меня зовут Валентина. Как вы себя чувствуете?

– А меня зовут Саня. Я всего один такой – во множественном числе не надо.

– Ну, как хотите, – вполне профессионально улыбнулась девушка. – Как ваше самочувствие?

– Вы знаете, Валентина, ужасно, – простонал я. – Просто ужасно!

– Что такое?! – всполошилась она.

– Трагедия: только что я понял, что с момента наступления половой зрелости жил впустую!

– Это почему же? – в полном недоумении спросила медсестра.

– А потому, что не встретил вас! – решительно заявил я. – Но теперь моя жизнь на глазах обретает смысл. Мне все лучше и лучше – от каждого вашего взгляда!

– Да что же за чушь вы несете?! – с явным облегчением всплеснула она руками. – По всем данным психика у вас должна быть в норме!

– Вы только что обещали ко мне на «ты» и по имени, – напомнил я.

– Извините! Ой, извини! Тогда и ко мне...

– Договорились! – обрадовался я. – Ну, ложись – я подвинусь!

– Слушайте... – растерянно заморгала она подкрашенными глазами. – Слушай, Саша, не осложняй мне жизнь, а? Я на работе!

– Ну-у-у... – разочарованно протянул я. – За нами подсматривают, и ты стесняешься, да? Ох-хо-хо-о, никакой личной жизни! А давно я тут отдыхаю?

– Двадцать шесть часов двенадцать минут после возвращения, – отчеканила медсестра.

– Больше суток проспал?! Это за что ж меня так упокоили?

– Вам... Тебе рассказать, в каком состоянии ты прибыл, или сам вспомнишь?

– Да я вроде ничего и не забывал, – бодро заявил я. – Как сейчас помню: он мне, значит, в бок, а я ему в рыло! Потом он мне «хы!», а я ему – «гы!». Он мне в ответ «ве!», а ему «бе!». Тогда он мне «ны!», а я ему... Тут-то меня и перебрало – на самом интересном месте!

– Какая память, какой захватывающий рассказ! – покачала головой Валентина. – А мне рассказали, что на тебе живого места не было.

– Вообще?! – перепугался я. – Ну хоть одно-то – самое главное – было живым?

– Что ты име... – она вдруг поняла, и чуть было вновь не смутилась. – Ты опять за свое?! Просила же!

– Извини, больше не буду, – изобразил я раскаяние. – А можно диагноз подробнее, если в курсе, конечно.

– Я медсестра, Саша.

– Ну, так позаботься обо мне, подготовь меня к встрече с эскулапами! Чтоб, значит, меня кондрашка не хватил. Тебя ж инструктировали, наверное? Вот и расскажи, что не секретно, а?

– Ну, во-первых, у тебя было сильное нервное перевозбуждение. Подробностей я не знаю.

– И не надо. Это – не «во-первых». А с тушкой что? Чтой-то я весь в бинтах, как мумия?

– У тебя колото-рваная рана на левом боку.

– Проникающая?

– Нет, легкое не задето, хотя пырнули тебя хорошо – внутренний и внешний швы пришлось накладывать.

– А еще?

– Многочисленные нарушения кожных покровов. И гематомы. Говорят, на некоторые даже профессионалам смотреть было страшно!

– Пфе, – презрительно оттопырил я нижнюю губу. – Настоящих синяков не видели, что ли? Профессионалы называется! А суставы, связки?

– Да, в общем, все, что не вывихнуто, то растянато, – заверила медсестра. – Я даже не запомнила – слишком много всего.

– Ой, как ты меня успокоила! – радостно заявил пациент. – А я-то думал, и правда, избили меня, искалечили! А на самом деле – тьфу! Когда выпишут?

– Это не ко мне.

– Понял!

Она собралась уходить, но в последний момент не удержалась:

– А на самом деле кто тебя так, Саша? Если не секрет, конечно...

– С бизонами бодался, – стыдливо признался я. – Только никому не рассказывай! Бык, правда, некрупный попался – тонны на две-три, не больше. Ну, засветил я ему промеж рог, он и с копыт долой. А тут баба его набежала – корова, значит. У меня, конечно, на женщину рука не поднялась, вот она меня и уделала.

– Все ты врешь, – улыбнулась Валентина. – Сам, небось, к корове приставал, а муж вас застукал!

* * *

В оборот меня взяли через три дня. Поскольку я рвался на волю, пришлось работать чуть ли не круглые сутки. Кроме прочего я много часов провел в удобнейшем кресле – голый и облепленный датчиками. Я смотрел отснятый видеоряд и комментировал его со всеми мыслимыми и немыслимыми подробностями. Надо, однако, признать, что без этих моих комментариев цена материала была бы, наверное, невелика. Казалось, конца этому не будет, но он все-таки настал!

– А теперь последняя к вам просьба, Александр Иванович.

– Господи, ну что еще?! – простонал я. – От меня уже одна шкурка осталась – все высали!

– С фактическим материалом мы закончили – в первом приближении, конечно. Теперь хотелось бы получить ваши впечатления, мнения, выводы, может быть какие-то обобщения.

– Может, потом как-нибудь? – с робкой надеждой в голосе спросил я.

– Увы, но лучше – сейчас. Так сказать, поток сознания по горячим следам. Позже начнутся психологические искажения и накладки. А вы сильно устали? Может быть, примите легонький стимулятор?

– А вот этого – не надо! – категорически отказался я. – Ладно, сейчас сосредоточусь – кажется, этих песен у меня есть.

– Вам как удобнее: диалог, монолог?

– Давайте диалог – будете меня подпихивать на поворотах, – сделал я выбор. – Монолог мне уже не потянуть.

– Договорились.

– Угу. Значит, тема сочинения: почему вымерли неандертальцы?

– Начинайте, запись пошла!

Я вздохнул, поднял глаза к потолку и начал:

– Этих ребят называют «альтернативным человечеством». Оно исчезло, не создав цивилизации. Остались лишь кости да камни. Мозгов в черепушках у них было достаточно – уж всяко не меньше, чем у среднестатистического программиста или таксиста. Так в чем же дело?

Начну с того, от чего они точно не вымерли. Климат, конечно, менялся, но им это было пофигу. К тому же, во времена их заката никаких особенных климатических катаклизмов не зафиксировано.

На протяжении примерно десяти тысяч лет неандертальцы жили в приледниковой зоне Европы на одной территории с кроманьонцами, которые добрались сюда, якобы, из Африки. Однако кроманьонцы – люди нашего вида – их не вытеснили и не истребили, потому как кишка у них оказалась тонка. Они их заместили – заняли освободившиеся уголья.

Сошлись в приледниковых степях два человечества, два биологических вида из рода Номо или, попросту «Человек». Археологи по остаткам орудий установили, что технических преимуществ ни у кого не было. Это я подтверждаю, как свидетель. А физиологически, пожалуй, кроманьонцы были хуже приспособлены для жизни на постоянном холоде. Только все это фигня...

Дело в том, что миллионы лет назад наши пра-пра... – матери... Ну, самки приматов, которые были предками наших предков... В общем, они избрали жизненную стратегию: самец должен приносить пользу (кормить и защищать), иначе зачем он? А как его заставить эту пользу приносить? Элементарно! Секс в обмен на пищу, в обмен на заботу. Правда, от соития получаются дети – побочный, так сказать, продукт. Но это не страшно – самцы любят детенышей, правда, только своих, а не чужих. Наверное, история рода Номо началась тогда, когда женщины (или еще самки?) научились быть готовыми к соитию всегда – в любое время года и суток, в любую погоду. Самцы – они ж тупые! – устоять, конечно, не смогли и приняли предложенные правила игры. Вот тогда все и началось...

Однако ж самец самцу рознь. Какой смысл отдаваться задохлику (а потом еще и с его детьми возиться!), если он и себя-то прокормить не может? А вот наш вожак – это мужчина! Ну, настоящий полковник!.. В общем, он и сам сытый (у всех отнимает, кто добровольно не приносит), и баб своих с детенышами кормит. Вот его я хочу! А естественный отбор слеп и равнодушен. Он взял да и закрепил эту стратегию в женском подсознании – как наиболее эффективную инстинктивную программу, бли-и-ин!

– Александр Иванович, вы просили вас координировать...

– Понял! Уже перехожу к заданной теме! Кхе-кхе... В писаной истории масса ситуаций, когда народы с тысячелетней культурой или хотя бы с традициями, ассимилировались завоевателями, рассасывались, исчезали. Почему? А бабам эти завоеватели нравились – на подсознательном уровне! В конце концов, это же женщина решает, кому отдаться, от кого рожать. Прецеденты нужны?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.